

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

ПРИЛОЖЕНИЕ

АПРЕЛЬ
2020

20004

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

БУДДА ИЗ ПАРИЖА
ОБМЕНЯЛИ КОРВАЛАНА...

ЗАМУЖЕМ ЗА ФЮРЕРОМ

КУРСКОЕ ЗНАМЕНИЕ

ПОКОРИТЕЛЬ ДВУХ ОКЕАНОВ

ЗАЧЕМ ОН ПРИДУМАЛ ДЕНЬГИ

ОХОТНИК ЗА ВЕДЬМАМИ

ДЕТСТВО ЮРИЯ
и другие тайны
из жизни председателя

Документы о происхождении
Юрия Владимировича Андропова,
который пятнадцать лет руководил КГБ
и еще год с небольшим – всей нашей страной,
хранились в самом секретном архиве
государства

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Будда из Парижа

**ЭТО ОН ОТКРЫЛ ТАЙНУ ТРЕХ КАРТ ПУШКИНСКОЙ ГРАФИНЕ. И, МОЖЕТ БЫТЬ,
ЭТО ОН ПОДГОТОВИЛ ЗАГОВОР ЕКАТЕРИНЫ ПРОТИВ ПЕТРА III.
НИКТО ПРИ ЕГО ЖИЗНИ НЕ ЗНАЛ, ОТКУДА ОН И СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ.
И СЕГОДНЯ ЖИЗНЬ ГРАФА СЕН-ЖЕРМЕНА ВО МНОГОМ ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ**

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2008 года

Человек, называвший себя графом Сен-Жерменом, не так известен, как блестательные авантюристы XVIII века Казанова, Калиостро, шевалье д'Эон. А между тем, Сен-Жермен может считаться патриархом этого беспокойного племени. Во-первых, он и по возрасту был старше большинства авантюристов, он раньше других достиг высокого положения и прославился. Во-вторых, на его примере рыцари Фортуны учились окружать себя ореолом таинственности, придумывали себе высокие титулы и сочиняли знатные родословные. Да, многие подражали Сен-Жермену, но сравниться с ним не смогли. Блистательный Казанова завидовал Сен-Жермену. Калиостро заимствовал у Сен-Жермена образ Великого Посвященного. Маску вынужденно скрываться «тайныменного принца» примеряли многие авантюристы.

Граф Сен-Жермен запомнился и в России. Он действительно приезжал в нашу страну, а наиболее заметный след оставил в литературной классике. Именно граф Сен-Жермен открыл тайну трех карт графине из «Пиковой дамы». Прототипом старухи-графини Пушкину послужила княгиня Наталья Петровна Голицына, в молодости блиставшая не только в петербургском, но и в парижском высшем свете. В самом начале повести внук графини рассказывает игрокам загадочную историю, которая привлекла с его бабушкой в Париже:

«...В то время дамы играли в фараон. Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много... Бабушка не знала, что делать. С нею был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о граве Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион; впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят об нем с неуважением. Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать большими деньгами. Она решилась к нему прибегнуть... «Я могу вам услугить этой суммой», – сказал он... Тут он открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал... В тот же самый вечер бабушка явилась в Версали, аи је de la Reine (на игру у королевы)... Она выбрала три карты, поставила их одну за другую: все три выиграли... Бабушка отыгралась совершенно».

Пушкин всего в нескольких строках отобразил расхожие мнения о граве Сен-Жермене. Если отбросить обывательские суждения и язвительный отзыв Казанова, в этом отрывке дан портрет человека почтенного, светского, верного и щедрого друга, любимого многими. В карточной колоде этому типу соответствует король червей: «Великодушный, справедливый друг и советчик, успешный в делах, готовый прийти на помощь, занимающий влиятельное положение в обществе».

ИЗ АРХИВА АВТОРА

О происхождении Сен-Жермена версий было великое множество. Наиболее распространенная «родословная» графа такова: якобы он был сыном венгерского князя Ференца II Ракоци, которого родители вынуждены были скрывать от врагов. Говорили также, что он сын свергнутого короля. Другие были, напротив, убеждены в плебейском происхождении Сен-Жермена: утверждали, что он сын сборщика налогов и итальянской княгини из Сан-Германо, незаконнорожденный сын розенкрейцера из Богемии, и даже... сын московского суконщика. Многие усматривали в происхождении Сен-Жермана еврейские корни: сын еврея из Бордо, сын португальского еврея, служил могучей стране и путешествовал в Индии и стране Моголов, сын еврейского врача из Страсбурга. Авантюрист Казанова тоже высказал свое мнение: «Это был всего лишь скрипач Каталини».

Интересная личность, не правда ли? Прусский король Фридрих II, казалось, имел все основания сказать о Сен-Жермене, что он «граф понарошку». Но... Справедливости ради надо сказать, что Сен-Жермен никогда и не скрывал, что носит не свое имя, а настоящее откроет только королю (имелось в виду – равному по происхождению). То же касалось и источников его доходов. Сколько бы не обвиняли его в шарлатанстве и авантюризме, однако никто и никогда не мог этого доказать.

В общем, слухов и домыслов о Сен-Жермене было предостаточно. А что дополнительно известно о жизни этого человека? Оказывается, не так уж мало.

Знатный иностранец

В начале 1740-х годов в Лондоне поселился иностранец под именем графа Сен-Жермена. Он явился словно ниоткуда. Правда, близким знакомым он сообщил, что обитал до этого в Германии.

Граф Сен-Жермен всегда занимал лучшие апартаменты и жил, как подобает богатому и знатному джентльмену. Очень скоро он завел знакомства в высшем свете и стал желанным гостем в домах вельмож, лордов и послов разных стран. Не раз встречался с принцем Уэльским. Его ценили как человека редкого ума, огромной эрудиции, одаренного многообразными талантами. Он свободно говорил на многих европейских языках. Казалось, для него не было тайн в природе, в истории и в современности, он обо всем судил как сведущий человек.

В Лондоне он проявил свои музыкальные таланты. Граф Сен-Жермен виртуозно играл на скрипке. Современник вспоминал, что «в импровизациях графа на скрипке знаток мог различать раздельное звучание всех инструментов квартета в полном составе». Сен-Жермен часто давал концерты для друзей, приглашал итальянский оркестр, исполняя сольные партии.

Он и сочинял музыку с необыкновенной легкостью, его пьесы для скрипки и ансамблей, мелодии на стихи английских поэтов были изданы и сделались чрезвычайно популярными. Слух Сен-Жермена был так чуток и изыскан, что он, бывало, страдал от резких звуков. Однажды он пришел к друзьям, зажимая уши руками. «Меня оглушил целый воз диссонансов», – пожаловался он. Оказалось, что на улице в это время выгружали обоз с булыжником. Даже речь его (притом не родная!) была пронизана музыкальными образными выражениями.

В 1745 году графа Сен-Жермена арестовали, и его имя стало широко известным благодаря газетным сообщениям. Дело в том, что англо-французские отношения в эти годы обострились, британцы опасались даже высадки десанта с континента. В этих условиях арестовывали всех подозрительных иностранцев. Сен-Жермен попал, что называется, под горячую руку обычно хладнокровных англичан. По этому поводу французский дипломат доносил в Версаль: «Подозрения возникли из-за того, что он выглядит отлично, получает большие суммы денег, платит все свои долги и не вызывает нареканий». Вот уж, действительно, подозрительно!

Впрочем, до тюрьмы дело не дошло, Сен-Жермен остался под домашним арестом. Его допросил, или, точнее сказать, с ним побеседовал лично государственный секретарь, герцог Ньюкастл. Ответы Сен-Жермена его не удовлетворили: «Он отказался назвать свое имя и титул кому-либо, кроме короля, добавил, что поскольку он не нарушил какого-либо закона этой страны, лишать честного иностранного гражданина свободы без какого-либо повода является грубым нарушением прав граждан». Госсекретарь выслушал отповедь Сен-Жермена и, делать нечего, отпустил, да еще с извинениями.

Вероятно, этот инцидент ускорил отъезд Сен-Жермена, он покинул Англию и словно растворился на просторах Германии. Там у него было поместье с прекрасно оборудованной лабораторией. Но где именно находились его владения, неизвестно до сих пор. Граф исчез на долгих двенадцать лет.

В те годы в слове «химия» чаще слышали «алхимию»: поиски «философского камня», извлечение золота из свинца и прочие фантазии. Сен-Жермен не раз менялся на пустяки, он занимался экспериментальной химией. Более того, прикладной химией – искал способы изготовления совершенных красителей, выращивания кристаллов, создания новых материалов. Конечно, обывателю легче было поверить в то, что странный отшельник двенадцать лет кряду изобретает эликсир вечной жизни.

Понтий Пилат, его знакомец

В феврале 1758 года граф Сен-Жермен приехал в Париж. Вскоре после приезда он написал письмо маркизу Марини, главному смотрителю изящных искусств и управляющему королевскими мануфактурами. «В своих землях я сделал редчайшее открытие, – писал граф вельможе. – Вот уже почти двадцать лет, как я руководил работами над ним с терпением и постоянством... Молчу о больших затратах, сделанных для того, чтобы открытие было по-настоящему королевским,

Flickr.com

молчу также о труде, поездках, исследованиях, бдениях и обо всем том, чего мне это стоило. Ныне, по доброй воле, я предлагаю королю воспользоваться результатом этих многотрудных поисков, за вычетом моих личных затрат... Я беру на себя все затраты как на перевозку готовых веществ, так и на обработку красителей... Одним словом, от короля потребуется предоставить жилье с обстановкой, достойной того скорого и крепкого хозяйства, которое я ему предлагаю, а также несколько деревьев в год, и тогда с превеликой гордостью и удовлетворением я передам Его Королевскому Величеству неоспоримо принадлежащие мне права на самую богатую мануфактуру, когда-либо существовавшую, и оставлю всю выгоду государству».

Предложение странное, по своей бескорыстности граничащее с благотворительностью. Усмотреть в нем какую-либо аферу мне, например, не хватило фантазии. Мотив этого поступка Сен-Жермена можно объяснить просто: он действительно сделал научное открытие, имеющее большое практическое значение, для реализации которого требовалась, как теперь говорят, поддержка государства. Поскольку граф был человеком вполне обеспеченным, то в этом конкретном проекте выгоды не искал, а удачное внедрение открытия стало бы для него лучшей наградой.

Маркиз Марини, к которому обратился Сен-Жермен, был очень влиятельным вельможей, так как приходился младшим братом маркизу де Помпадур. Вскоре Сен-Жермену и его помощникам предоставили в пользование часть замка Шамбор. Граф поселил в замке своих людей, привезенных из Германии, и оборудовал химическую лабораторию. Но сам он большую часть времени проводил в Париже.

Марини представил Сен-Жермена сестре. Г-жа Помпадур была очарована аристократизмом графа. Присутствовавшая при первой встрече дама вспоминала: «Казалось, ему пятьдесят. Тонкие черты, остроумен, одет скромно, но со вкусом. На пальцах, а также на табакерке и на часах он носил великолепные алмазы». Вскоре к этому избранному обществу присоединился король. Граф стал завсегдатаем в Версале, есть свидетельства о том, что он встречался с Людовиком XV с глазу на глаз.

Наконец, граф был допущен в узкий круг друзей короля, на так называемые «малые ужины» во дворце Малый Трианон. На них даже слуг не допускали,

Для развития «самой богатой мануфактуры, когда-либо существовавшей», Сен-Жермену предоставили часть замка Шамбор (вверху), где граф оборудовал лабораторию. Слева: лаборатория средневековых алхимиков

коллекцию картин, преимущественно итальянских мастеров.

Как и в Лондоне, графа Сен-Жермена охотно принимали в домах высшей аристократии, военных, дипломатов. Он вел очень здоровый образ жизни, за самым роскошным столом придерживался диеты и никогда не пил. Но общение с ним пьянило, как шампанское. Все, кто слышал беседы Сен-Жермена, бывали очарованы. Особенно впечатляли его рассказы о великих исторических деятелях. Однажды по просьбе маркизы Помпадур он говорил об одном из французских королей с такими красочными деталями, что возникал эффект личного присутствия рассказчика в той эпохе. В заключение он добавил, словно проговорившись: «Жаль только, что король был так горяч. Я бы смог дать ему совет, который уберег бы его от бед, но он не стал бы ему следовать...» Госпожа Помпадур заметила: «Похоже, что вы все это видели!» На что Сен-Жермен ответил: «У меня хорошая память, и я много читал об истории Франции. Иногда, ради смеха, я намекаю, не заставляя в это верить, что жил в эти давние времена».

Смех смехом, а сплетни поползли. Вдбавок одна престарелая знатная дама упорно твердила, что видела Сен-Жермена пятьдесят лет назад, и он выглядел так же, как теперь. Слухи, что называется, пошли в народ. Уличный актер Гов, выступавший под псевдонимом «граф д'Альбарет», исполнял целую программу о вымышленных похождениях Сен-Жермена в минувшие века. Он говорил с публикой от имени графа, например, о знакомстве с Иисусом: «Я знал его близко, это был самый лучший человек в мире, но он был романтическим и безрассудным, я всегда ему говорил, что он плохо кончит». Дальше – больше. Актер уверял, что пытался спасти Иисуса с помощью госпожи Пилат, с которой был близко знаком...

Сплетни совершенно не повредили репутации Сен-Жермена, скорее наоборот, придали ему вес. Плохо было другое: затея графа с чудо-мануфактурой не удалась. Причины неудачи до

накрытые столы поднимали снизу на специальных лифтах. Вечер проходил в непринужденных беседах, без церемоний и придворного этикета.

Таланты Сен-Жермена казались необъяснимыми. Однажды король показал графу крупный алмаз, который портило одно-единственное пятнышко. Король сказал: «Его оценили в шесть тысяч ливров, а без пятна он стоил бы все десять». Сен-Жермен предложил: «Через месяц я верну его вам без пятна». В назначенный срок он принес алмаз, действитель-

но, без пятна. Его взвесили, вес оказался почти таким же. Отправили алмаз к ювелиру без объяснений. Тот сразу предложил за камень девять тысяч ливров. Но король оставил алмаз у себя, на память.

В Париже граф редко музицировал, зато занимался живописью. Видные художники хвалили его полотна, особенно удивлялись сочности и яркости его красок. Иногда эта яркость даже казалась излишней, но таковы уж были свойства красок, изобретенных Сен-Жерменом. В этот же период граф собрал небольшую

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Сен-Жермен познакомился с Людовиком XV (справа) через фаворитку короля маркизу де Помпадур (в центре).

Во время Семилетней войны Людовик отправил графа с секретным заданием в Голландию.

Вверху: один из предполагаемых отцов Сен-Жермена венгерский князь Ференц II Ракоци

конца не ясны. Известно только, что Сен-Жермен ничего не приобрел, а король ничего не потерял. Сен-Жермен по-прежнему пользовался полным доверием короля и его приближенных. И вскоре Людовик XV поручил ему совершенно секретное задание.

Агент-неудачник

Военные действия Франции в Семилетней войне были неудачными, король и военный министр Бель-Иль подумывали о мире с Пруссией и ее союзницей Англией. Но министр иностранных дел герцог Шуазель был категорически против. Людовик XV решил послать графа Сен-Жермена с тайной миссией в Голландию, чтобы начать переговоры о мире с английским послом в этой стране. В это же самое время в Лондоне искал мира для Франции секретный агент короля шевалье д'Эон (очерк о нем опубликован в предыдущем номере «Совершенно секретно»).

Граф Сен-Жермен взялся выполнить поручение короля без всякой выгоды для себя. Впрочем, услуга монарху в будущем может обернуться многими милостями. Или, наоборот, станет причиной неприязни: ведь сильные мира сего не любят быть обязанными. Так или иначе, 20 февраля 1760 года граф Сен-Жермен приехал в Амстердам. Он, как всегда, остановился в лучшей гостинице и стал навещать прежних знакомых по Лондону и Парижу. Те, в свою очередь, рекомендовали графа местному истеблишменту. Сен-Жермен и здесь стал звездой.

В это время британским послом в Голландии был сэр Джозеф Йорк, а посольство Франции возглавлял господин д'Аффри. Сен-Жермен был знаком и с тем и с другим. Теперь ему следовало сблизиться с англичанином в интересах Франции, но опасаться при этом француза!

Трудность миссии Сен-Жермена заключалась в том, что его полномочия могли вызывать сомнения. Из документов у

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Русский вояж

Весной 1762 года граф Сен-Жермен неожиданно появился в России. «Русский период» в жизни графа впоследствии был овеян волнующими легендами. Говорили, что именно он подготовил заговор Екатерины против Петра III. Рассказывали, что его драгоценные камни добыты в потаенных русских рудниках.

Но это все легенды. Как и в других столицах, Сен-Жермен был представлен высшим сановникам, бывал у графа Разумовского и графа Юсупова. Он и здесь очаровал всех виртуозной игрой на скрипке и тонкой беседой. Одним словом, в России Сен-Жермен не запятали себя ничем таинственным или, не дай бог, предосудительным. Просто съездил в гости, пообщался с русской знатью и иностранцами, живущими в России, а затем вернулся в Юберген, к своим колбам и ретортам.

Граф Сен-Жермен провел еще двенадцать лет в изысканиях. Иногда выезжал в Бельгию, Италию, Германию. Везде, где он появлялся, его окружали слухи. В Германии говорили, что он португальский еврей, объездил весь мир, и ему несколько сот лет. В Италии – что он живет в окружении сотни женщин, которых ему представляет настоятельница монастыря.

В 1777 году граф Сен-Жермен задержался в Берлине под именем Уэлдон. Он послал прусскому королю Фридриху II целый список своих изобретений из 29 пунктов. Он был готов открыть королю секреты улучшения качества льняных, шерстяных и шелковых тканей и способов их окрашивания; то же касалось различных изделий из кожи; изготовления красок и красителей, в том числе золотых и серебряных, но без применения золота и серебра; приготовления лекарств, очищающих организм от вредных веществ, а также «безопасных и благотворных косметических средств».

В 1778 году граф Сен-Жермен поселился в Германии, в герцогстве Гольштейн. Правил этим герцогством ландграф Карл, князь Гессенский. На склоне лет судьба свела Сен-Жермена с князем Гессенским, и они подружились. Сен-Жермену было уже 88 лет, хотя выглядел он значительно моложе.

Граф не жалел себя, подолгу находился во влажных помещениях мануфактуры, все чаще болел. 27 февраля 1784 года он умер, вероятно от инсульта. В церковной книге сохранилась запись: «Тот, который звался графом Сен-Жерменом и Уэлдоном, умер здесь и был похоронен в церкви нашего города».

Так окончился земной путь этого таинственного человека. Но его посмертная слава превзошла известность при жизни.

Еще не уявили венки на могиле графа Сен-Жермена, а уже пошли разговоры о том, что он ушел не навсегда. Масоны убежденно говорили, что сотни лет назад он был розенкрейцером, основателем древнейших масонских лож, а в будущем Сен-Жермен вернется в этот мир, возможно, в другом облике и под другим именем. Позже появилась версия, что дух Сен-Жермена пребывает в Гималаях, чтобы впоследствии, подобно живому Будде, вселиться в избранного им человека. Наша соотечественница, теософ Елена Блаватская причисляла Сен-Жермена к Великим Посвященным.

HISTORICAL PICTURE ARCHIVE/CORBIS/RF

Весной 1762 года граф Сен-Жермен неожиданно появился в России. «Русский период» в жизни графа впоследствии был овеян волнующими легендами. Говорили, что именно он подготовил заговор Екатерины против Петра III.

Зачем он придумал деньги

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2009 года

В апреле 1790 года русский литератор Николай Карамзин гуляя по французской столице в сопровождении некоего аббата Н*, который сетовал, что нет уж прежнего парижского общества: «Вы опоздали приехать в Париж... Жан Ло несчастной выдумкою банка погубил и богатство и любезность парижских жителей, превратив наших забавных маркизов в торгашей и ростовщиков; где прежде раздроблялись (то есть разбирались, анализировались. – В. А.) все тонкости общественного ума, где все сокровища, все оттенки французского языка истощались в приятных шутках, в острых словах, там заговорили... о цене банковых ассигнаций, и дома, в которых собиралось лучшее общество, сделались биржами. Обстоятельства переменились – Жан Ло бежал в Италию, – но истинная французская веселость была уже с того времени редким явлением в парижских собраниях. Начались страшные игры; молодые дамы съезжались по вечерам для того, чтобы разорять друг друга, метали карты направо и налево и забывали искусство граций, искусство нравиться. Потом вошли в моду попугаи и экономисты, академические интриги и энциклопедисты, каланбуры и магнетизм, химия и драматургия, метафизика и политика. Красавицы сделались авторами и нашли способ... усыплять самим своих любовников».

Этот краткий курс политэкономии французского абсолютизма Карамзин прослушал уже после взятия Бастилии. Монолог аббата заканчивается фразой: «...И я не знаю, к чему бы мы наконец должны были прибегнуть от скуки, если бы вдруг не грянул над нами гром революции».

Жан Ло, которому аббат приписывает столь пагубное влияние на парижские нравы, – не кто иной, как Джон Ло, выдающийся экономист и банкир, чья двусмысленная слава и недвусмысленный талант и сегодня, почти три века спустя, не дают покоя финансистам, как азартному игроку не дает покоя громадный выигрыш, свидетелем которого он однажды стал.

XVIII век – век авантюристов. Выходцы из разорившихся дворянских семей, бретеры, игроки, поэты, маги, алхимики, шарлатаны и ловеласы, красавцы с обворожительными манерами и гипнотическим взглядом, изобретатели чудесных эликсиров и полетов на Луну, они колесили по Европе, соблазняя дам своей мужской статью, а мелких монархов, в кошельках у которых было вечно пусто, грандиозными проектами сказочного обогащения. Многим давали от ворот поворот. Когда скульптор Фальконе сообщил Екатерине II, что один француз берется указать ей «простое средство заиметь в течение четырех месяцев 30 миллионов без малейшего отягощения», императрица написала в ответном письме: «Я имею обыкновение отвечать составителям золота и денежных проектов: господа, воспользуйтесь своими выдумками сами, чтобы не просить милостыни».

При удачном для них стечении обстоятельств проектировщики обогащались сами и ударялись в бега, бросив разоренную казну и убитых горем любовниц. Такими красками рисуют обычно и ослепительную карьеру Джона Ло. Но эта фигура куда значительнее. Ло принадлежит к числу тех энтузиастов, чьи сокрушительные неудачи обогатили человечество гораздо больше, чем иные хитроумные бизнес-схемы. У него по сей день есть последователи, уверенные в том, что «система Ло» в целом была правильной, ему

КОНЕЧНО, ДЕНЬГИ В ВИДЕ ЗВОНКОЙ МОНЕТЫ СУЩЕСТВОВАЛИ И ДО ДЖОНА ЛО. НО ИМЕННО ОН ПРИДУМАЛ БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И ОПЕРАЦИИ С НИМИ, СТАВШИЕ ПРООБРАЗОМ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ СЕГОДНЯ МИР К ГЛОБАЛЬНОМУ КРИЗИСУ. В ЭТОМ СМЫСЛЕ НЫНЕШНИЙ КРИЗИС – ЛИШЬ ОЧЕРЕДНОЙ РЕЦИДИВ ТЕОРИИ ДЖОНА ЛО

Учитель и ученик: шотландский экономист и банкир Джон Ло и (внизу) бывший председатель Федерального резерва США Аллан Гринспен

просто не повезло. Одним из таких последователей в XX веке был британский экономист Джон Мейнард Кейнс, оставивший после себя влиятельнейшую по сей день школу экономической мысли. Кейнсианцем, в свою очередь, называют бывшего председателя Федерального резерва США Алана Гринспена, которого считают «духовым отцом» нынешнего финансового кризиса. Отсюда вывод: современный глобальный кризис – очередной рецидив теории Джона Ло. Не собираются ли сегодня лечить тот же недуг все тем же снадобьем? Похоже на то.

Жизнь игрока

Джон Ло родился в Эдинбурге в 1671 году. Его отец был золотых дел мастером; в те времена эта профессия совмещалась с разменом денег и ростовщичеством. Приобретение поместий дало успешному ремесленнику право на дворянский титул. 20-летним юношей Джон Ло отправился в Лондон покорять столицу. Он был хорош собой, обходителен, богат и необычайно удачлив в игре. Но фортуна оказалась капризной. Он дрался на дуэли (некоторые авторы утверждают, что предметом ссоры была Элизабет Вильерс – фаворитка короля Вильгельма III), убил соперника и был приговорен к смерти, однако сумел бежать из под стражи и вскоре объявился в Европе, где занялся изучением банковского дела – сначала в Голландии, а после в Италии, двух финансовых центрах тогдашнего мира.

Постепенно у него созрели собственные проекты, которые он предлагал различным правителям, но безуспешно. Герцог Савойский Виктор Амадей будто бы ответил ему: «Я не настолько богат, чтобы разоряться». В 1708 году Ло переселился в Париж. Франция в те годы переживала жестокий финансовый кризис. Война за испанское наследство разорила ее. придворные финансисты изобретали все новые способы пополнить казну, но они на поверку оказывались лишь паллиативом. Джона Ло представили герцогу Филиппу Орлеанскому. Тот был заворожен идеями шотландца. Согласно легенде, он выразился так: «Если вас послал Бог, то оставайтесь, если же дьявол – то не уходите». Но престарелый Людовик XIV отнесся недоверчиво к «гугеноту» и к тому же азартному игроку, сорвавшему золотом.

Страсть к игре и необыкновенное мастерство картежника (его мозг с феноменальной скоростью просчитывал все возможные комбинации) навлекли на Ло подозрения. Он не был замечен в шулере; тем не менее, глава полиции счел за благо выслатить его из Франции. Из-за границы он продолжал слать герцогу Орлеанскому свои записки. Наконец, его час пробил. В 1715 году Людовик XIV, правивший 72 года и всем смертельно надоевший, скончался. Герцог Орлеанский стал регентом при малолетнем правнуке усопшего монарха Людовике XV. Финансы королевства пребывали в печальном состоянии. Наличность казначейства составляла не более 700 тысяч ливров. Хронический дефицит бюджета был равен 144 миллионам ливров в год. Уже через два месяца после смены короля Джон Ло приступил к осуществлению своего проекта.

Система Ло

Теория Ло исходила из догадки о том, что денежные знаки (а в то время ими были только золотые, серебряные или медные

► монеты) не обладают неизменной стоимостью – их цена колеблется. Он спорит с Локком, по мнению которого деньги приобрели свою ценность посредством соглашения между людьми. «Никакое соглашение, – утверждает Ло, – не может придать товару воображаемую ценность и удержать ее за ним, менее же всего такому товару, взамен которого отдавались все остальные».

Но по какой причине колеблется цена звонкой монеты? Ответ Джона Ло: она зависит от состояния экономики государства, а та, в свою очередь, – от твердости валюты. «Торговля и деньги находятся во взаимной зависимости, – пишет Ло в одной из своих записок. – Ценность монеты изменяется, когда торговля падает, а когда количество монеты уменьшается, тогда падает торговля». Сегодня это утверждение представляется аксиомой, но всякая аксиома была кем-то открыта и сформулирована. Первостроитель этой – Джон Ло. Отсюда – следующий вывод: для успешного развития экономики следует обеспечить ее наличными деньгами. «Мы должны были бы обладать одинаковым с другими нациями количеством монеты, чтобы быть могущественными и богатыми в сравнении с ними; потому что без монеты лучшие законы бессильны дать частным лицам способы усовершенствования произведения, развития ремесел и торговли».

Удивительно, что при таком здравом взгляде на природу денег и их взаимодействие с реальным сектором экономики Джон Ло остается приверженцем господствовавшей тогда школы меркантилизма – он сторонник поддержки отечественного производителя и протекционистских мер в международной торговле, противник импорта и вывоза валюты: «Вывоз звонкой монеты или слитков для уравнения баланса составляет истинную потерю этих богатств и причиняет крупный вред торговле. Правительству следовало бы предупреждать этот вред запрещением ввоза, высокими таможенными пошлинями, уменьшающими потребление иноземных товаров, поощрением промышленности, в видах замены иноземных произведений туземными, премиями за вывоз...»

Кто же должен снабдить экономику наличностью? Известно, кто – банки. По мнению Ло, банки «составляют лучшее средство для увеличения количества монеты». Но ведь банки не увеличивают количество монеты. А для этой цели, говорит Ло, существует кредит. Кредит как основная банковская операция был, конечно, известен и до Ло. Но шотландца осенила мысль о том, что кредитные обязательства банка вовсе не обязательно полностью обеспечиваться содержимым его сейфов. Предположим, рассуждает он, золотые резервы банка составляют 15 000 ливров, а общая сумма выпущенных им кредитных билетов – 75 000 ливров. Получается, что масса денег, находящихся в обращении, увеличилась на 60 000 ливров. Кредит позволяет купцу и ремесленнику расширять свой бизнес, богатство нации растет, все счастливы: «Чем больше банк раздает ссуд, тем больше увеличивает он количество монеты, приносящей доход стране, потому что при этом дается занятие большему числу рук, торговля расширяется, займы становятся легче и дешевле и, наконец, сам банк наживает барыши».

Возможно, на мысль о бумажных деньгах Джона Ло натолкнул его собственный опыт игрока. Играя по-крупному, он, по свидетельству мемуариста, «брал с собой не менее двух мешков золота приблизительно на сумму 100 000 ливров. Так как нельзя было захватить рукой всего количества золота, которое он клал на ставку, то он велел заготовить марки, ценностью в 18 луидоров каждая» (в 1 ливре было 7,69 грамма чистого серебра, золотая монета луидор – *louis d'or* – равнялась 24 ливрам).

Перечисляя достоинства бумажных денег, Джон Ло поет в один голос с Мефистофелем: «Прочие необходимые в монете свойства суть следующие: 1) удобство при платежах; 2) повсеместная ценность; 3) хранение без потерь и издержек; 4) делимость без потери ценности; 5) чеканка. Билеты обладают всеми этими качествами в гораздо большей степени, чем серебро: 1) ими легче платить: 500 ливров скорее можно сосчитать бумажками, чем серебром; 2) их легче пересыпал, а пото-

WILTON-DEUTSCH COLLECTION/CORBIS/RF

Английская политическая карикатура конца XVIII века: клиенты отказываются брать в уплату бумажные деньги

му их ценность меньше будет отклоняться в различных местностях; 3) их легче хранить, вследствие небольшого объема; 4) их можно делить без потери, обменивая крупные билеты на мелкие; 5) они допускают своего рода чекан и их труднее подделывать, чем монету». И наконец, самое главное: «бумажные деньги сохранят постоянную ценность, по истечении пятидесяти лет ими можно будет приобрести то же количество товара, как и в настоящее время, если только ценность этого товара не изменится вследствие колебаний спроса и предложения на этот товар».

Но что произойдет, если держатели кредитных билетов вдруг разом пожелают обменять их на золото? А почему они должны предъявить билеты к оплате «разом»? Они что, говорятся?

Вероятно, читатель, наученный горьким опытом обманутых вкладчиков инвестиционных фондов, павловско-герасенковского обмена денег и дефолта 1998 года, лишь грустно усмехнется. Но герцог Орлеанский ничего этого в жизни своей не видел, и картина ажиотажа вкладчиков представлялась ему маловероятной.

От теории к практике

Первоначальный проект Джона Ло предусматривал создание государственного банка с соответствующими гарантиями казначейства. Этот проект был отклонен как слишком рискованный. В мае 1716 года Джон Ло получил патент сроком на 20 лет на учреждение частного банка «Ло и компания» (впоследствии – Banque Generale), который введет в оборот бумажные денежные знаки – банкноты. Уставный капитал банка составлял шесть миллионов ливров, разделенных на 1200 акций по 5000 ливров каждая. Владение пятью акциями давало право голоса на собрании акционеров, которое созывалось дважды в год. Однако один акционер не мог иметь более 30 голосов независимо от величины его пакета. Шести миллионов у банка не было. Лишь четверть акций была оплачена звонкой монетой, остальная часть стоимости была внесена государственными облигациями – billet d'Etat – проще говоря, долговыми расписками короля. То, что банк возьмет на себя часть национального долга, было условием патента. Таким образом, наличность банка не превышала полутора миллионов ливров.

Разумеется, без поддержки государства банкноты Ло не стали бы полноценным платежным инструментом. Циркуляр министра финансов обязал провинциальных податных чиновников отправлять в Париж деньги исключительно в виде банкнот, дабы тем самым удешевить и ускорить перевозку, а также не лишать провинцию монеты. Иными словами, правительство разрешило платить налоги бумажными деньгами. В апреле 1717 года правительство обязало принимать банкноты в уплату всех видов налогов, пошлин, штрафов и других платежей в пользу государства.

Банкноты мгновенно подскочили в цене на 15 процентов, а курс королевских облигаций упал на 60–70. Но это было только начало.

Следующим шагом было поглощение Миссисипской компанией Ост-Индской и Китайской компаний – в июне 1719 года они были упразднены эдиктом короля. Вскоре к Компании Индий, как называлась теперь предприятие Ло (Compagnie des Indes), перешел и контроль за африканской торговлей Франции. Система Ло была построена.

Взлет и падение

Началась эмиссия акций новоучрежденной компании. Они эмитировались тремя выпусками, получившими название «матери» (meres), «дочери» (filles) и «внучки» (petites-filles). Срок торговли каждым выпуском был ограничен, в уплату принималась только звонкая монета, причем для того, чтобы купить одну «дочку», требовалось предъявить четырех «матерей», а для приобретения «внучки» – четырех «матерей» и одну «дочь». Таким образом, все три выпуска росли в цене, ажиотажный спрос усиливался. Теперь уже было совершенно неважно, какие сокровища могут быть добыты в долине Миссисипи – разбогатеть можно было на перепродаже акций. Именно тогда, кстати, и появилось во французском языке слово «ажиотаж» – от итальянского l'aggio (в русском языке от этого итальянского слова произошло слово «лажа») – превышение рыночного курса ценных бумаг над их нарицательной стоимостью.

Об ажиотаже, царившем сначала на улице Кенкемпу, а затем в парке гостиницы «Отель-де-Суассон», где совершались операции купли-продажи акций Компании Индий, существует великое множество анекдотов, в которых нелегко отделить правду от вымысла. Утверждают, что аристократы проникали в апартаменты Ло через печные трубы, что дамы высшего света не почитали за грех пустить в ход свои чары в обмен на акции компании. «Придворные забыли о вестибюлях регента», – рассказывает британский финансист Чарлз Маккей в своей весьма, впрочем, тенденциозной книге «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы», впервые изданной в 1841 году. – Пэры, судьи и епископы толпой устремились в «Отель-де-Суассон»... Претендентов было столько, что Ло не мог принять даже десятую их часть, и для получения доступа к нему использовались любые уловки, какие только могла подсказать человеческая изобретательность». «Высокопоставленным osobam, – вторит ему Горн, – даже дамам аристократического общества, никакая подлость не казалась унизительной, никакая лесть грубой, лишь бы добиться расположения могущественного финансового чудоеда; его слуги и лакеи разжились подачками всех тех, кого они допускали к своему хозяину или в бюро Общества. На улицах Ришелье и Вивиен, где были подъезды к бюро Компании, лица, алкающие подписаться, подвигались вперед тесной вереницей, которую не страивали в продолжение многих дней ни голод, ни жажды, ни сон, ни усталость; многие запасались провизией, одни крахтели под тяжестью мешков с деньгами, другие боязливо прижимали к груди тяжелый портфель. Давка людей и экипажей была такова, что ежедневно были или задавленные или вынесенные со сломанными членами; быть может, последние менее горевали обувь, чем об акциях, которых они вследствие этого лишились».

Система Ло и впрямь оживила промышленность и ремесла. Париж утопал в необыкновенной роскоши. В лихорадочной поспешности, с какой нувориши обзаводились дворцами и обставляли их драгоценной мебелью, чувствуется смутное ощущение угрозы: «финансовый кран» Lo – robinet des finances – всяку минуту мог иссякнуть.

Теперь, когда в обороте находилось два миллиарда акций и обращались они с необыкновенной быстротой, для сделок с ними потребовалась дополнительная наличность. Когда в твоих руках Королевский банк, нет ничего проще: за эмиссией акций последовала эмиссия бумажных денег. Каждый выпуск акций сопровождался выпуском банкнот. Счетшел уже на сотни миллионов, а потом и на миллиарды ливров. Сначала банкноты гравировали, потом для скорости стали просто печатать на типографском станке.

Все это не могло продолжаться бесконечно. В конечном счете цены на акции Компании стали взвинчивать именно те их владельцы, кто первым осознал опасность и стремился избавиться от них по максимально возможной цене. Звонкая монета стремительно исчезала из обращения. Обладатели баснословных состояний спешили конвертировать бумажные деньги в золото и бриллианты и по возможности вывезти их за границу.

На эти «происки» Джон Ло и регент ответили изданием репрессивных законов – сначала о запрете крупных платежей золотой и серебряной монетой, затем – о запрете на владение драгоценностями. Ремесленникам запрещалось изготовление предметов из золота тяжелее унции. Для всякого предмета золотой и серебряной посуды был установлен предельный вес. Наконец появилось ограничение на владение наличной монетой – не более 500 ливров. Разница подлежала конфискации и целиком выплачивалась доносчику. Король уполномочил Компанию проводить обыски в любых помещениях, не исключая и его собственных дворцов. Обыски и конфискации не заставили себя ждать.

Джон Ло, этот апостол кредита и доверия, оправдывал драконовские меры заботой о благе общества: «Если Система должна была чего-либо опасаться, – писал он в газете *Mercure de France*, – то, во всяком случае, не деспотической власти, как многие утверждают; напротив того, деспотическая власть, которой мы обязаны Системой, сумеет и поддержать последнюю... Именно в таких случаях чувствуется благотворное действие деспотической власти; власть необходима, чтобы спасти людей от них самих». Как это похоже на иных российских поборников демократии и свободного рынка, превратившихся со временем в адептов «властной вертикали» и «твёрдой руки»! Но вертикаль – самая неустойчивая геометрическая фигура на свете.

По сопротивлялся судьбе до последней возможности, всеми силами оттягивал неизбежную развязку. Но она все-таки наступила. Начался ажиотажный спрос теперь уже на звонкую монету. Банк открыл обменные бюро; работали они нерегулярно и часто оставались на замке весь день; поначалу в них обменивали столивровые билеты, затем – только 10-ливровые. Люди занимали очередь к бюро с вечера. Спустя некоторое время, потеряв терпение, толпа сделала агрессивной, в Париже начались беспорядки. Представим слово русскому агенту в Париже Алексею Юрлову, который в июле 1720 года доносил кабинет-секретарю Петру I Макарову: «Франция пришла в великую скучность, понеже ни у кого денег нет ничего, а ходят только билеты банковые, которых в коммерцию никто не берет, отчего много помирало з голоду. А в банке не платят больше десяти гульденов, а ныне и ничего не дают. Но когда платили оные по десяти гульденов [за] билеты, тогда множество велико приходило народу, и от тесноты и от жажды великой, чтоб иметь деньги, нахаживали мертвых человек по 30 и по 40 в день в банке...»

А вот слезное письмо русских студентов И. Каргопольского, Т. Постникова и И. Горлецкого из Парижа тому же самому Макарову: «Провосходительнейший господин Алексей Васильевич, наш премилостивейший государь! Доносим вашему превосходительству, что когда мы были высланы в Париж, и мы жили без жалованья в Париже больше года, а именно: с октября месяца 4-го числа 1717 году даже до марта месяца 9-го числа 1719 году, и о том просили вашего превосходительства, чтоб позволили доложить царскому величеству, что за этой 1718 год нам выдали жалование против нашего определения, которое мы получили в 1719-м году, понеже мы приняли на нынешний на 1720-й год деньги бумагами, а ныне тем бумагам ходу нет по их цене, для того, что которые были по сту ливр, ныне те только ходят по двадцати ливр, а которые были по десяти ливр, те только ходят по две ливры и меньше. Такожде и другие по пропорции умалились, ради которого случая мы имеем нужду и препону на науку велики».

Регент позволил Ло тайно уехать из Парижа – в противном случае ему грозила если не расправа толпы, то арест и суд. Это произошло в декабре 1720 года. А в начале следующего его отыскал в Генуе посланец русского царя – француз на русской службе, ассессор Берг-коллегии Габриэль Багарет де Пресси.

В мае-июне 1717 года Петр I находился с визитом в Париже и встречался с Ло. Впоследствии он внимательно следил за реформами Ло по донесениям русских дипломатов. Кроме того, в ближайшем окружении царя был горячий сторонник системы Ло – князь Иван Андреевич Щербатов, видный сановник, сенатор и дипломат. Он перевел и поднес Петру трактат Джона Ло, а затем и собственное сочинение о пользе введения в России бумажных денег. И то и другое писалось, когда Ло был еще далек от краха, однако же предусмотрительный Щербатов рекомендует царю ввести ограничения при размене банкнот за звонкую монету: «Ежели кто похочет по банковым письмам взять деньги из банку, дабы повелено было управителем банку платить деньги по тем письмам так скоро, как спрошено будет, только б сверх ста рублей одному человеку вдруг не платить».

После бегства Ло из Франции русский посол в Париже барон Шлейниц доносил Петру: «Ляус с позволением и паспортом от регента через Женеву в Рим поехал, дабы свою особу в совершенную безопасность привезть». Невзирая на постигшую Джона Ло неудачу (некоторые исследователи полагают, что царь тогда еще не знал о его бесславном бегстве), Петр распорядился пригласить его в Россию и самолично отредактировал наказ де Пресси. Документ содержал необычайно щедрые посулы: княжеский титул, чин обер-гофмаршала и действительного тайного советника, орден Андрея Первозванного, 2000 дворов крепостных «в наилучших землях», право построить город близ Каспийского моря «и оной иностранными мастеровыми и ремес-

ленными людьми населить». Однако Ло от приглашения в Россию отказался.

Бумажные деньги – ассигнации – были введены в России Екатериной II в 1769 году: войны с Турцией и Швецией, раздел Польши, борьба с революционной Францией потребовали чрезвычайного напряжения бюджета. Помимо России, в Европе необеспеченные бумаги эмитировала в то время лишь Швеция. Вскоре Екатерина вынуждена была написать следующую записку в собственную канцелярию: «С крайнейшим удивлением слышу, что государственные ассигнации дворцовая канцелярия отказывается принимать от частных людей. Один мужик принес бумагу, а ему сказали, принеси денег. Разве мои установления недействительны в дворцовой канцелярии, или подъячие шалят для своего прибытка мерзкого, для того, что на ассигнации прочета нету?»

Несмотря на эти гневные окрики, вследствие огромных объемов эмиссии ассигнации быстро дешевели, и в 1786 году государство прекратило оплачивать их звонкой монетой. В Российской Империи фактически установилась двойная денежная система – вспомним, что герои русской литературы расплачиваются друг с другом то ассигнациями, то серебром, причем курс ассигнаций значительно ниже. В 1839 году при Николае I ассигнации («катеньки») стали опять конвертироваться в серебро по курсу 3,5 рубля ассигнациями за 1 серебряный рубль.

От Ло до Гринспена

«Толки о чудодейственной силе бумажных денег, еще недавно столь часто повторявшиеся в некоторых органах нашей печати, несколько умолкли, и страстные обращения к типографским станкам экспедиции заготовления Государственных бумаг: печатайте, печатайте побольше кредитных билетов для оживления промышленности и обогащения государства, – по видимому, стихли».

Этой фразой начинается предисловие выдающегося русского экономиста Николая Бунге к русскому изданию книги И. Горна «Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов». Бунге служил министром финансов России в 1881–1886 годах. На его долю выпала тяжкая задача ликвидации бюджетного дефицита. Требования напечатать побольше бумажных денег были обращены к нему, но, в отличие от публики и власти предержащих, он отлично знал, чем обрабатываются в конечном счете эти затеи. Печальный пример Джона Ло был слишком красноречив.

Бунге отнюдь не считает Джона Ло аферистом. По его мнению, шотландец заблуждался. В чем же была его ошибка? В том, что он путал наличные деньги с капиталом. Рост объема массы бумажных денег не увеличивает национального богатства. «Не настолько наивный, чтобы считать возможным неограниченный выпуск бумажных денег, ценность которых зависит только от штемпеля или названия, Ло искал для них обеспечения». Но

акции Компании Индий не могли стать таким обеспечением, потому что сами «имели и должны были иметь ценность, подвергнувшись сильнейшим колебаниям».

Крупнейший толчок развитию западной экономической мысли дал мировой экономический кризис – Великая депрессия, начавшаяся крахом нью-йоркской фондовой биржи в октябре 1929 года. Ее причины и попытки правительства остановить спад остаются предметом изучения специалистов. Аллан Гринспен, будущий председатель Федеральной резервной системы США, написал в 1966 году статью «Золото и экономическая свобода», в которой назвал главным виновником глобального кризиса Англию: «Там, вместо того, чтобы извлечь уроки из предыдущей безрассудной ошибки, в 1931 году полностью отказались от золотого стандарта, тем самым уничтожив остатки доверия и спровоцировав целый ряд банковских крахов по всему миру. Мировая экономика вступила в полосу Великой депрессии 1930-х годов».

Горячим сторонником отказа от мирового стандарта и активного государственного вмешательства в макроэкономические процессы был Джон Мэннард Кейнс, которого современники считали чуть ли не реинкарнацией Джона Ло. С ним яростно спорили представители австрийской школы экономики Фридрих фон Хайек и Людвиг фон Мизес. Прошли годы, и в 2001 году адепт австрийской школы Колин Коленсо пишет о Гринспене: «Поток лести, вот уже несколько лет льющийся из уст рыночных экспертов кейнсианского толка, должен заставить нас предположить, что Аллан Гринспен войдет в историю как величайший экономист и денежный управленец всех времен и народов. Вместо этого его судьба, судя по всему, развивается в том направлении, которое было давно предсказано австрийскими экономистами. В дальнейшем его могут запомнить как самого переоцененного и опасного экономиста в мире».

Именно в бытность Гринспена главой Федерального резерва непомерно раздулся рынок виртуальных денег – вторичных долговых обязательств, производных финансовых инструментов, обладающих лишь воображаемой стоимостью. Британский историк Найялл Фергюсон в своей только что вышедшей книге «Воцарение денег. Финансовая история мира» (*The Ascent of Money*) сообщает: в 2006 году совокупный объем мировой экономики составил 47 триллионов долларов, а сумма деривативов, обращающихся на фондовом рынке, – 473 триллиона. «Ценные» бумаги в 10 раз больше реального сектора. Пузырь лопнул, оставил после себя глобальный спад. Правительства не нашли другого выхода, кроме как закащать в мировую финансовую систему новые массы виртуальных денег. Но правильно ли поставлен диагноз? Поможет ли больному нехитрая процедура?

Вашингтон

Октябрь 1929 года, Уолл-стрит. Крахом нью-йоркской фондовой биржи началась Великая депрессия

Замужем

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РУССКИХ ЖЕН ГИТЛЕРОВСКОГО НАМЕСНИКА В НОРВЕГИИ ВИДКУНА КВИСЛИНГА

руссскую культуру, науку, дипломатию. Дед Александры по отцовской линии был православным священником, а его брат – помещиком в Бессарабии. В конце XIX века на фамильных землях обнаружилось нефтяное месторождение, и семья, и без того небедная, разбогатела.

По прошествии многих лет Александра пытается найти корни родительского разлада и приходила к выводу, что они кроются, с одной стороны, в неудачных беременностях матери, а с другой – в веселом и беззаботном нраве отца. Он был авантажный мужчина, бонвиван, любил компании, нравился женщинам. Нефтяные доходы позволяли ему не слишком напрягаться на работе, зато работа предоставляла идеальный предлог для отлучек из дома: срочный вызов к пациенту.

Вскоре после начала Первой мировой войны Воронины перебрались в Харьков. Харьковским губернатором был в то время родственник Ирины Теодоровны – камергер Митрофан Катеринич, лихой гусар, сделавший карьеру на земском поприще. Для отца Харьков был городом студенческой юности, для Аси – неприятным контрастом с солнечной

Видкун Квислинг в день своего назначения и. о. главы правительства Норвегии 2 февраля 1942 года.
Слева вверху: Александра Воронина в 1924 году в Париже. Она позирует с сигаретой, однако в жизни не курила

и тихой Ялтой. Асию отдали в женскую гимназию-интернат. Отец ее работал в то время в частной клинике для состоятельных пациентов, мать окончила курсы медсестер и работала бесплатно в военном госпитале. Внесла свою лепту в заботу о раненых и Аси: после уроков она читала им вслух книжки и писала под их диктовку письма.

Наступил день, когда отец исчез из Асиной жизни навсегда. Она так и не узнала, что с ним произошло.

А тут и революция грянула. Условия жизни изменились до неузнаваемости. Харьков стал столицей советской Украины. Улицы заполнили амнистированные уголовники, солдаты, оставшиеся поля сражений, и невесты откуда взявшимися матросы.

В июне 1919 года Харьков был освобожден от большевиков частями До-

бропольской армии генерала Деникина. Ирина решила не искушать судьбу и ехать в Крым. Путешествие в битком набитой теплушке запомнилось Александре на всю жизнь. В финале изнурительной поездки они застали панику беженцев: красные только что форсировали Перекоп.

В измученной и сбитой с толку Ирине проснулись патриотические чувства – она отказалась от идеи эмигрировать, хотя в Румынии и Франции у нее были родственники, и приняла решение возвращаться в Харьков. Александра на всю жизнь запомнила ее аргументы: «Как мы можем бросить родину, свой народ и скитаться, как бродяги, на чужбине? А потом, быть может, твой отец как раз сейчас пытается найти нас в Харькове». Последняя фраза звучала для Аси особенно убедительно.

Излишне говорить, что обратное путешествие оказалось еще более мучительным. Харьков в декабре 1919 года снова перешел под контроль красных. В городе развернулась кампания террора. Квартира Ворониных оказалась взломана и разграблена, комнаты конфискованы. Их заняла кабаретная дива, которой покро-

PICTURE COLLECTION/NATIONAL LIBRARY OF NORWAY

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2008 года

Имя Видкуна Квислинга стало нарицательным обозначением предателя и коллаборациониста. Выходец из древнего норвежского рода, сын пастора, он пошел по военной стезе, дослужился до звания майора, в 1931–1933 годах был министром обороны Норвегии, а затем сделал ставку на национал-социализм и в апреле 1940 года, в дни немецкого вторжения в страну, оказавшую отчаянное сопротивление оккупантам, объявил о государственном перевороте. В качестве нового главы правительства Квислинг призвал соотечественников сложить оружие. Соотечественники не подчинились – норвежское Сопротивление было одним из самых эффективных в оккупированной Европе.

Ввиду явной непопулярности Квислинга его кабинет просуществовал всего пять дней, после чего был распущен Гитлером. Лишь в феврале 1942 года, после наведения оккупационными войсками относительного «порядка» в Норвегии, Квислинг получил пост исполняющего обязанности главы правительства при немецком рейхскомиссаре Йозефе Тербовене. Норвежцы всей душой возненавидели своего «фюрера», как на норвежский лад называл себя он сам. 9 мая 1945 года Квислинг был арестован, предстал перед судом по обвинению в государственной измене и в октябре того же года расстрелян.

Сегодня почти забылось, что в молодости Квислинг был тесно связан с Россией и по службе, и по обстоятельствам личной жизни.

Короткое детство

Родители звали ее Асей. Александра Воронина родилась в 1905 году в Севастополе в семье частнопрактикующего врача. Когда ей еще не было трех лет, семья переехала в Ялту – город, наполненный теплом, светом и морем, в котором почти круглый год отыхало изысканное общество. Семейство было небогатое, но, как писала на склоне лет Александра, она чувствовала себя окруженной любовью и заботой, хотя мать, Ирина Теодоровна, никогда не выставляла напоказ своих чувств к дочери. Аси было единственным выжившим из пяти младенцев, которых родила ее мать.

Бабка Александры по материнской линии вела свой род от самого Рюрика. Она была замужем за Теодором фон Коцебу, представителем немецкой фамилии, осевшей в России во время наполеоновских войн и внесшей заметный вклад в

за фюрером

PICTURE COLLECTION/NATIONAL LIBRARY OF NORWAY

вительствовал некий комиссар. Матери и дочери пришлось ютиться в комнате няни. Однажды дива решила, что и эта комната ей нужна. Вернувшись вечером домой, Ася не нашла там ни матери, ни мебели, ни вещей. Соседи рассказали ей, что днем заявились вооруженные солдаты, арестовали мать и увезли ее вместе с жалкими пожитками на грузовике неизвестно куда. Ася бросилась к бывшему дворнику, ныне председателю домкома, и тот нехотя назвал ей адрес казенного дома, куда перевезли Ирину вместе с имуществом. Она нашла мать с мебелью и узлами в углу громадного зала. Сквозь окна с выбитыми стеклами в помещение падал снег, стены покрылись изморозью. Наутро Асе удалось пробиться на прием к комиссару-женщине, которая оказалась не лишена сердца. Позвонив куда-то по телефону, она сказала девушке: «Все нормально, детка. Можешь забирать свою маму и возвращаться домой». Комиссар в юбке оказался посильнее покровителя певички.

Асе было 16, но детство ее кончилось бесповоротно. Отныне она должна была заботиться о себе и о своей матери.

Страшной зимой 1921/22 года жизнь в Харькове едва теплилась. Школы, банки, рынки были закрыты, в городе не было никакого общественного транспорта, в жилых домах – ни газа, ни воды, ни электричества. Свирепствовали болезни. Но самым тяжким испытанием был голод.

Неожиданно Александре повезло: власти объявили набор служащих со знанием иностранных языков для работы с представительствами зарубежных организаций. Ася с детства владела французским и немецким и вскоре после подачи анкеты получила место в Помголе – Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. Это было неслыханной удачей.

Сотрудникам Помгола было строжайше запрещено вступать в контакт с иностранцами. За прибавку к скучному пайку Ася по окончании рабочего дня оставалась на 2–3 часа дежурить на телефонном коммутаторе – отвечать на звонки с мест, принимать телефонограммы.

«Он ужинает каждый день!»

Именно в один из таких вечеров произошла ее первая встреча с молодым, высоким, стройным голубоглазым блондином

в костюме отличного сукна и крою, каких она давно уже не видела в Харькове. Это был Видкун Квислинг. Капитан норвежского Генерального штаба, Квислинг уже бывал в России – в 1918 году он служил военным атташе Норвегии в Петрограде, а затем, когда посольство было переведено в Хельсинки, исполнял те же обязанности там. На сей раз он прибыл в Россию в качестве представителя Нансеновского комитета – международной неправительственной организации помощи голодающим России, которую создал и возглавил знаменитый норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен.

Асе Ворониной было в ту пору 16 лет. Она находилась в том возрасте, о котором Пушкин сказал: «Пришла пора – она влюбилась». Сама она описывала случившееся французским выражением *coeur de foudre*, что в буквальном значении переводится как «удар грома», а в переносном – как «любовь с первого взгляда». Он попросил «барышню» отправить телеграмму. Она ответила, что по телефону это никак не возможно – нужно идти на телеграф.

Через несколько дней он снова появился в телефонной комнате. На сей раз он представился и сказал, что пришел, потому что ему нужно практиковаться в русском. «Да разве вам не с кем практиковаться? – удивилась она. – Все вокруг только по-русски и говорят». «Это правда, – сказал он. – Но люди, с которыми я встречаюсь, – это представители советского правительства, и я обязан говорить с ними на своем родном языке через переводчика. Они даже не знают, что я говорю по-русски. После ужина я обычно гуляю. Если позволите, я буду приходить сюда, когда заканчивается ваше дежурство, и провожать вас домой». Она позволила, подумав про себя: «Боже мой, он ужинает каждый день!»

Он провожал ее остаток зимы, весну и лето, а в конце лета сделал предложение. Все произошло чрезвычайно быстро и совершенно буднично. Видкун торопился. Его миссия в России подошла к концу. Ему предстояло вернуться на службу в Генеральный штаб. В то время в России зарегистрировать брак не составляло ни малейшего затруднения. Накануне Асе исполнилось 17 лет. Мать подарила ей по такому торжественному случаю единственные остававшиеся в доме сокровища: поваренную книгу Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйствам» и набор се-

Мария и Александра в Осло летом 1924 года. На балконе их сфотографировал Видкун Квислинг

ребряных ножей и вилок для фруктов, в которых не хватало одного куверта из шести.

Молодожены впервые сели вместе за обеденный стол в Москве, в гостинице «Савой», где они остановились по пути в Норвегию. В это трудно поверить, но за все время своего знакомства с Асеей Видкуну ни разу не пришло в голову пригласить ее на обед или хотя бы на завтрак. Такова была его натура: он умел быть нежным, говорить о возвышенных предметах, но о том, чтобы попросту накормить любимую, не думал. Однажды в Харькове, приглашая ее на прогулку в парк, он предложил: «Давай устроим пикник – возьмем бутерброды и съедим их на свежем воздухе». А когда она виновато сказала, что не может принести бутерброды, потому что дома нет никакой еды, он сказал: «Ну что ж, тогда погуляем просто так».

После ужина им предстояло новое испытание – первая брачная ночь. Они сидели в ресторане почти до закрытия. От непривычно обильной еды у Аси разболелся живот, а потом добавилась и головная боль. Когда поднялись в номер, она сказала, что плохо себя чувствует. «Ложись в постель и усни, – сказал ей муж с видимым облегчением. – А я лягу здесь». И он показал на диван в гостиной. Размышая над поведением Видкуна в тот вечер, Александра предполагала, что он, сын священника, возможно, считал их брак не вполне законным без венчания. А может быть, у него, как и у нее, не было сексуального опыта, хотя он и был вдвое старше ее. Они обвенчались по лютеранскому обряду в Риге.

Золотая клетка

Медовый месяц они провели в дороге: Петроград, Рига, Хельсинки, Стокгольм и, наконец, Кристиания, как назывался тогда Осло. Вскоре после того, как Квислинг вернулся к работе в Генеральном штабе, Российское телеграфное агентство (РОСТА) опубликовало сообщение о том, что с голодом в советской России покончено, собран прекрасный урожай, а потому деятельность всех иностран-

ных организаций по оказанию помощи голодающим на ее территории прекращается. Фритьоф Нансен никак публично не комментировал это решение, но еще до заявления РОСТА просил Квислинга телеграммой после отпуска на родине вернуться в Россию на несколько месяцев. Как показали дальнейшие события, прав оказался Нансен: уже в октябре того же 1922 года вместо упраздненного Помгола был образован Последол – Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода. Правительство РСФСР попросило Нансена продолжить его деятельность.

Александра о переписке Квислинга с Нансеном ничего не знала. Проводив поутру на работу мужа, она оставалась одна в большой, неуютной квартире. После уборки она выходила на улицу и гуляла по главному проспекту Осло – Карл Йохансгате. Денег у нее не было, поэтому она только глазела на витрины магазинов и на прохожих.

И каждый день в один и тот же час длинный черный лимузин проезжал по улице. На переднем бампере у него красовался номерной знак, состоящий из единственной цифры – «1». На заднем сиденье в нем, всегда один, сидел похожий на испанца грустный смуглый господин. Он тоже обратил внимание на молодую красивую женщину. Они стали раскланиваться. Он едва заметно улыбался, приподнимая свою шляпу. Однажды она описала Видкуну этот безмолвный обмен любезностями и спросила, кто этот печальный пассажир. Оказалось – король Норвегии Хаакон VII. Квислинг сделал ей замечание: зачем она заглядывается на чужих мужчин? «Да что ж в этом плохого? – удивилась она. – К тому же это твой король!» «Да, но ведь ты не знала этого, – возразил он. – Для тебя он был просто посторонним мужчиной». Вскоре после этого разговора Квислинг с супругой получили приглашение во дворец, и Александра познакомилась с монархом.

Перед Рождеством она сказала мужу, что, кажется, ждет ребенка. Его, однако, известие нисколько не обрадовало. «Надеюсь, ты ошибаешься», – сказал он. «Что ты имеешь в виду?» – спросила она, не веря своим ушам. Он объяснил, что у него настолько ответственная работа, а будущее столь непредсказуемо, что заводить детей сейчас было бы безответственно. Лучше всего выкинуть эту мысль из головы – даст бог, обойдется. А нет – тогда придется подумать о надлежащих мерах.

В феврале 1923 года Квислинг наконец сообщил жене, что они возвращаются в Харьков. Ася была счастлива. В Москве они задержались: у Видкуна были дела. Однажды он сказал ей, что она записана на прием к врачу. На ее недоумение он ответил, что ребенка ни в коем случае нельзя рожать в России – доктор посмотрит, можно ли безболезненно и безопасно избавиться от плода. Сказано это было тоном, не терпящим возражений. Очнувшись от анестезии, Ася услышала, как сквозь вату, голос медсестры: ребенок был девочкой.

Мать жила все в той же няниной комнатке. Встреча с ней оказалась мучительной для Аси. За полгода жизни в Европе она отвыкла от российской нищеты. Мать уверяла ее, что теперь стало куда легче, что благодаря НЭПу появились богатые люди, а вместе с ними и работа, а она слушала и не могла вымолвить ни слова – в горле стоял горький ком.

Квислинги разместились в той же квартире на втором этаже особняка Балабановых, где прежде жил один Видкун. У них появились кухарка и горничная – обе, как известно теперь, шпионили за супружескими. Еще в октябре 1921 года был издан секретный приказ ВЧК «О чекобслуживании иностранцев», в котором утверждалось, что сотрудники зарубежных благотворительных организаций, пользуясь правом беспрепятственного проезда и дипломатическими привилегиями, собирают разведданные, привлекают к своей деятельности «враждебные антисоветские элементы» и скупают ценности для последующего вывоза за рубеж. В отношении Квислинга последнее утверждение соответствовало действительности.

Вскоре после возвращения мать обратилась к Асе с просьбой помочь трудоустроить одну девушку. Она рассказала,

Александра в своем первом вечернем платье (1922 год).
На фото справа – Мария Пасешникова и ее мать

PICTURE COLLECTION/NATIONAL LIBRARY OF NORWAY

► что к ней приходила женщина, которую Ася, возможно, помнит – ее фамилия Пасешникова; до революции она стирала Ворониным белье и делала грязную работу на кухне. Так вот, устроить требуется ее дочь. Ася не знала, что прачка, попросив ее мать об одолжении, фактически припугнула ее. Пасешникова дала понять, что знает, что Ирина – родственница бывшего губернатора Катеринича и что в случае отказа об этом могут узнать и в ЧК. Ася сказала, что поговорит с мужем, но сначала хочет видеть девушку. Через несколько дней в ее доме появилась Мария Пасешникова – Мара, как звали ее близкие, – высокая брюнетка 20 с лишним лет. Ася как раз поила чаем друзей. После нескольких фраз о том, о сем Мара сказала, что хотела бы работать на прежнем Асином месте – на коммутаторе Помгола.

Место она получила.

В мае Видкун сказал Асе, что собирается в поездку по голодающим районам, а ей с матерью он устроил места в крымском санатории. В ее отсутствие у него и завязался роман с Марой.

Двоеженец

В сентябре подошел срок уезжать из России. На вокзале их провожали Асины друзья и сотрудники Помгола. Были даже почетный караул и духовой оркестр.

Теперь они ехали в Париж через Польшу и Германию. Когда поезд приближался к французской границе, Квислинг зашел с женой непонятный разговор.

«Послушай, Ася, – начал он. – Я должен поговорить с тобой. Ты еще очень молодая. Впереди у тебя такая долгая жизнь. Тебе еще многому надо учиться. Я решил, что тебе совершенно необходимо окончить университет и приобрести профессию. Но сначала я хочу послать тебя в частную школу-интернат для девушки из хороших семей – в Швейцарию или, может, в Англию...» «Постой, – перебила его Александра. – Почему в Англию или Швейцарию? Почему я не могу учиться дома в Осло?» «Потому что я хочу развестись с тобой», – сказал он абсолютно ровным, бесстрастным тоном. «Что ты имеешь в виду?» – «Мы должны развестись». – «Но почему, бога ради? Скажи мне правду, скажи причину!» Она задыхалась, а он говорил с убийственным спокойствием: «Я хочу раз-

вода, потому что ты слишком молода для меня. Другой причины нет. Поверь мне, придёт время, и ты поймешь, что так будет лучше для нас обоих».

В парижском отеле он сказал ей, что Нансен просит его поработать на Балканах, на сей раз по оказанию помощи русским беженцам, и он хочет, чтобы до его возвращения она оставалась в Париже. «Я обещаю позаботиться о тебе, – сказал он. – А пока давай поищем приличный пансион». Он полистал телефонную книгу и сообщил, что как будто нашел подходящий вариант. Впоследствии Александра пришла к выводу, что Квислинг нашел и снял комнату в пансионе заранее. В том, что он хорошо подготовился к поездке, не может быть никакого сомнения. Дело в том, что перед отъездом из Харькова он оформил удостоверение на имя сотрудника миссии Нансена Мэри Квислинг. На удостоверении фотография Мары Пасешниковой. «Предъявительница сей карточки норвежская подданная

и владеет норвежским дипломатическим паспортом», – гласит запись в удостоверении. За Фритьофа Нансена расписался сам Квислинг. К удостоверению прилагалось письмо представителя советского правительства в Украинской Республике Чубарова с указанием всем агентам ГПУ и другим органам власти оказывать содействие супруге капитана Квислинга. Эти документы хранятся в Государственном архиве Норвегии.

Автор книги «В тени Квислинга» Кирстен Сивер считает, что охранная грамота Чубарова не могла быть получена, если бы Мара сама не была агентом ГПУ: украинские власти прекрасно знали, что Квислинг женат не на ней, а на Александре. По предположению исследовательницы, Мару взяли на работу в Помгол специально с целью обольщения Квислинга. Существуют косвенные указания на то, что этот эпизод был частью знаменитой операции «Трест», в ходе которой советской контрразведкой была создана

на фиктивная подпольная организация монархистов, будто бы действующая на территории России. (Постепенно «Трест» вышел из-под контроля своих создателей, и тем ничего не оставалось, кроме как свернуть операцию.

Будучи уполномоченным Нансена по работе с русскими беженцами на Балканах, Квислинг контактировал с белоэмигрантскими вождями и в этом качестве был весьма интересен ГПУ.

Предательство

Мы расстались с Квислингом и его женой Александрой в парижском пансионе на бульваре Распай, где капитан снял комнату для юной супруги, с которой решил развестись. В тот момент она не знала, что за два дня до их отъезда из Харькова Квислинг выправил удостоверение на имя г-жи Мэри Квислинг, в котором было сказано, что его предъявительница – сотрудник организации Нансена, норвежская подданная и обладатель дипломатического паспорта. Документ предназначался для новой пассии Видкуна, Марии Пасешниковой. Александра на свою беду сама познакомила их.

В комнате пансиона состоялось прощание. Они сидели некоторое время молча, затем Квислинг вынул что-то из кармана: это был Асин паспорт и 25 долларов – ее денежное содержание за месяц вперед. Его последние слова были похожи на телеграмму: «Не беспокойся. Все будет хорошо. До свидания, ребенок». (Такое ласковое прозвище он ей дал.) Она не успела ничего ответить – так поспешно он ушел.

Ася осталась одна. Она сидела неподвижно на стуле, даже не сняв пальто, несколько часов, покуда не стемнело. В большом чужом городе у нее не было никаких знакомых. Пришла горничная и позвала ее за табльот – все постояльцы уже собрались, не хватало только ее. Ася просила извиниться – у нее болит голова, и есть она не хочет. «Я чувствовала, – пишет она, – что во мне сломалась какая-то жизненно важная пружина».

Она подошла к окну, долго смотрела вниз, на кроны каштанов, освещенные уличным фонарем. На самом деле это было не окно, а застекленные створки двери, ведущей на узкий балкон с очень низкой решеткой: один шаг – и все про-

Исполняющий обязанности главы правительства Норвегии Видкун Квислинг (слева) на встрече с Адольфом Гитлером в Германии, январь 1945 года

блемы решены. В конце концов Ася в полуза�оты открыла свой красивый чехол, нашла там ножницы, бритву и постель, легла в постель и вскрыла себе вены на обеих руках.

Ее спасли: горничная решила наведаться к Асе, та не открыла на стук, и горничная подняла тревогу. Некоторые дни Ася находилась в полубессознательном состоянии: потеряла много крови. Потом стала спускаться в столовую. Заботу о ней взяла на себя одна из пансионерок, немолодая дама польского происхождения. После нескольких прогулок (дама знала Париж, как свои пять пальцев) наперсница спросила, не пожелает ли Асин друг нанять ее за скромную плату в качестве dame de compagnie – компаньонки. Ася написала мужу, и тот согласился, но, как выяснилось впоследствии, ни разу не заплатил оговоренную сумму, а дама из деликатности не обращалась к Асе с вопросами.

Когда подошел срок, Видкун (он теперь работал в том же качестве, представителя Нансена, на Балканах) перевел хозяине пансиона деньги за комнату и стол, но не прислал Асе обещанных скромных средств на личные расходы. В конце концов она вынуждена была занимать у своей компаньонки на метро и зубную пасту. Однажды в саду Тюильри она не нашла свободной скамейки и присела на один из стоявших в тени стульев. Ася не знала, что стулья эти платные. Когда женщина, сдающая стулья напрокат, потребовала платы и стала громко стыдить Аси, Ася, у которой не было ни гроша, сняла с пальца украшенное драгоценными камнями обручальное кольцо. Но владелица стульев побоялась взять дорогую вещь и лишь махнула рукой: «Нет-нет, иди, куда шла».

Однажды поздним ноябрьским вечером, когда Ася уже лежала в постели, в дверь пансиона позвонили, она услышала голоса на лестнице. Пансион засыпал рано, у всех постояльцев были ключи от входной двери, поэтому Ася насторожилась. Вскоре послышались торопливые шаги, дверь в ее комнату распахнулась, кто-то вошел и в темноте окликнул ее по имени. Она узнала голос Мары Пасешниковой, но не могла поверить, что слышит ее наяву. Ася включила ночник – так есть, посреди комнаты стояла Мара.

Радость Аси была беспредельной. Мара никогда не была ее близкой подругой, но в тех обстоятельствах, в каких оказалась она, этот визит казался подарком судьбы. «Это правда ты, Мара? – спросила Ася. – Как ты здесь оказалась?»

Вырваться из Совдепии в то время было уже крайне сложно, а скромная должность Мары, конечно, не предусматривала никаких загранкомандировок.

Оказалось, Мара исполняет обязанность курьера – везет Квислингу важные документы из Харькова. А потом займет место его русского секретаря в новой штаб-квартире миссии Нансена в Софии. (Задачей миссии ныне была помочь армянским беженцам из Турции и остаткам Белой армии, ждущим решения своей участи в Галлиполи.) Версия звучала правдоподобно, тем более что на руках у Мары был советский заграничный паспорт (этот документ появился именно в 1923 году) на имя Пасешниковой. Франция была в тот момент единственной страной Западной Европы, признающей советские паспорта. Из Парижа Мара должна была ехать «Восточным экспрессом» через Швейцарию в Вену, а для этого надо было хлопотать о визах: норвежского паспорта у Мары тогда не было. Зато он был у Александры, которая могла беспрепятственно передвигаться по Европе.

«Подружки»

Поселилась Мара в Асиной комнате – других дешевых комнат в пансионе в тот момент не нашлось. Мара не говорила ни на каком иностранном языке, и Аси пришлось выполнять функции переводчика за табльдотом. Держалась Мара весьма уверенно, одета была очень хорошо, недостатка в деньгах не испытывала. В письме, адресованном в Париж, Квислинг писал ей: «Я очень надеюсь, что ты и Ася станете добрыми друзьями. Ты, Мария, старше нее, ты взрослая женщина. Она еще ребенок. Будь к ней добра и велико-душна». Он постоянно выдавал желаемое за действительное: ему очень хотелось,

чтобы его жены подружились, чтобы одна опекала другую. Но такой идилюль в их отношениях никогда не было. Впоследствии Ася узнала, что Мара получила в Париже перевод от Квислинга на 1000 норвежских крон; половина этой суммы причиталась Асе. Денег ей Мара не отдала.

Она провела в Париже три недели; за это время посетила советское торговладение, побывала в русском ресторане и свела знакомство с некоторыми эмигрантами. Уезжая, попросила Аси одолжить ее лучший чемодан, который так и не вернула.

Проводив Мару, Ася будто осиротела. От тоски и одиночества она стала вспоминать все детали этого посещения, и в ее голову стали закрадываться подозрения. Подозрения эти подтвердились после того, как она получила письмо из Харькова. Асин давний друг Йося Борц предупреждал ее, что Мара – советский агент, что она втерлась в доверие к Квислингу, пока Ася с матерью были в Крыму, и что теперь она использует его в собственных шпионских целях.

Ася слишком плохо разбиралась в политике, чтобы осознать весь смысл предупреждения. Необоснованные обвинения, казалось ей, могут повредить Видкуну, на восстановление отношений с которым она все еще надеялась. Однако она поняла, что Мара может быть опасна. В декабре Ася получила письмо от Мары из Вены: она писала, что в середине января с Видкуном приедет в Париж. В ответном письме Ася выражала бурную радость по поводу того, что скоро снова увидит Мару. Продолжала она так: «Когда приедешь, расскажу тебе о слухах, которые добрались до Парижа из Харькова, – довольно занятные, я хотела как приподенная. Пишут, что ты работаешь на какой-то Трест и пользуешься чьим-то всемогущим покровительством. А еще сообщают злые языки, что, когда я была в Крыму, ты несколько раз встречалась с капитаном. Ага! Как вы смеете, мадам, гулять с моим мужем, вот погодите, приедете в Париж – я закачу вам хорошенкий скандал, не обрадуетесь... Нежно целую тебя и моего неверного мужа...»

Видкун и Мара приехали в Париж 23 января – в день, когда в европейских газетах появилось сообщение о смерти Ленина. Давно ожидаемое, это событие

было чревато новыми потрясениями, но какими именно – никто тогда не знал. Ася как раз читала газеты, когда в ее комнате появилась Мара. Расцепившись с ней, Ася спросила, где ее багаж и где Видкун. «Ты что, до сих пор не поняла, что мы с Видкуном поженились?» – таким был ответ Мары.

Наутро все трое сидели в номере отеля, где остановились молодожены. Одна из молодых женщин была женой Квислинга де-факто, другая – де-юре. Чтобы жениться на Маре, Квислинг должен был развестись с Асеи. Он планировал оформить развод где-нибудь за границей, где формальности проще, чем в Норвегии. Но для того, чтобы Мара уже сейчас могла ездить вместе с ним, он собирался вписать ее как законную супругу в свой паспорт вместо Аси. Встреча в норвежском посольстве с временным поверенным в делах была уже назначена. Ася должна поехать вместе с ними, объяснил Видкун, и подтвердить, что она согласна на развод. Взамен он обещал заботиться о ней до конца своей жизни. «У меня нет выбора, – ответила Ася. – Я сделаю все, что ты скажешь».

Получив этот ответ, Видкун и Мара расслабились и стали оживленно обсуждать свои дела, не обращая внимания на Аси, как если бы ее вовсе не было в комнате. Вдруг Квислинг произнес нечто такое, что Ася подумала, что ослышалась. «Кстати, – сказал капитан Маре, – у тебя теперь есть возможность сменить свою девичью фамилию. Она у тебя такая такая длинная. Давайте мы забудем ее и станем называть тебя Пасек. Это звучит уже не по-русски, короче и более благородно. На Украине есть аристократический род Пасеков. Правда, они пишутся с двойным «с», но в эти тонкости никто вникать не будет. Ну как? Блестящая идея? Есть возражения?»

«Нет возражений», – сказала Мара.

В назначенный час капитан с двумя дамами вошел в кабинет поверенного в делах. Мужчины заговорили друг с другом по-норвежски. Ни Ася, ни Мара не понимали, о чем речь, но слышали, что разговор идет на повышенных тонах. Наконец дипломат обратился к Асе по-французски: «Можете ли вы сказать мне откровенно, почему вы хотите развестись со своим мужем?» Ася ответила, что развестись хотят

чет он, а она не в том положении, чтобы противиться. В итоге Квислингу было отказано. Поверенный сказал, что по норвежским законам Александра Квислинг остается его женой, и если капитан действительно вступил в новый брак, он подлежит привлечению к ответственности за двоеженство. «Я шокирован, капитан, тем, что вы посмели привести сюда вместе с вашей женой другую женщину», – сказал в заключение дипломат. С Асеи он простился ласково и посоветовал ей нанять хорошего адвоката.

Спустя несколько дней раздосадованый неудачей Видкун уехал на Балканы, а Мара бесцеремонно вселилась в комнату Аси, заявив, что их общий муж не так богат, чтобы содержать отдельно их обеих.

Шпионка

Однако вернемся к насмешливому письму Аси с предупреждением о том, что Мара – шпионка. Существуют ли основания верить этим сведениям?

Возможная связь Мары с советской разведкой – самый интригующий аспект всей этой истории. Подозрения основаны на ряде обстоятельств, трудно объяснимых иначе. Прежде всего: к удостоверению на имя Мэри Квислинг, которое Видкун Квислинг выписал сам, прилагался мандат за подписью председателя президиума ВСНХ Украины Власа Чубаря, предписывавший всем агентам ГПУ и другим органам власти оказывать содействие супруге капитана Квислинга. Получить такой мандат, да еще на имя дамы, которая женой дипломата отнюдь не была, было чрезвычайно сложно. Еще удивительнее, что этой же даме был выдан советский заграничный паспорт на ее настоящее имя. Правом выезда за границу в то время пользовались очень немногие граждане Советской России, в основном представители партийно-хозяйственной номенклатуры. Скромная секретарша в роли курьера, доставляющего важные документы? Маловероятно. Но еще невероятнее предположение, что Мару выпустили за рубеж в качестве жены Квислинга, каковой она не была.

Отсюда возникает предположение, что Маре Пасешниковой покровительствовало некое значительное лицо в советских верхах, по каким-то причинам заинтересованное в том, чтобы она соединилась с Квислингом узами брака. Приглядевшись к харьковскому окружению обоих, мы находим в руководстве Помгола (Всероссийский комитет помощи голодающим) людей, способных на такую интригу и заинтересованных в ней. Один из них – глава украинского Помгола Башкович, венгерский большевик, соратник Бела Куна, бежавший вместе с ним в Советскую Россию после разгрома Венгерской советской республики в 1919 году. Разумеется, иностранные организации помощи голодающим работали под пристальным присмотром ГПУ. Ася считала агентами Лубянки даже кухарку и горничную, нанятых Квислингом.

Башкович был чиновником очень высокого ранга, поэтому Ася была крайне удивлена, когда он вызвал ее к себе. Башкович сказал ей, что необходимо срочно перепечатать секретные документы, и для этой работы она должна прибыть к нему на квартиру в семь часов вечера. Ася не посмела отказаться, но на всякий случай взяла с собой подругу. Квартира Башковича оказалась роскошным апартаментом, а вместо стола с пищущей машинкой был сервирован обеденный. Хозяин предложил закусить и выпить перед работой. Несмотря на царящий вокруг голод, яства и вина были изысканные, подруги не нашли в себе сил отказаться. Вскоре за столом появилось еще двое нетрезвых мужчин, откровенно разглядывавших девушек. В конце концов Асе с подругой удалось благополучно покинуть помещение. Через неделю вечером Башкович предложил обеим девушкам прокатиться на его новой машине-кабриолете и увез их в загородный дом, наполненный мужчинами, откуда девушкам пришлоось бежать без оглядки.

Этот второй случай оказался настолько вопиющим, что подруги пошли жаловаться в Рабкрайн (Рабоче-крестьянскую инспекцию). Видимо, на Башковича у кого-то из большевистских вождей был зуб: его убрали из Помгола и как будто судили

Видкун Квислинг (в центре) на могилах норвежских патриотов после освобождения Норвегии от фашистов, февраль 1945 года

Обвиненный в предательстве Квислинг перед судом в Осло, 1945 год

стью плана? Морально сломленную девушки, вступившую в связь с комиссаром и вкушившую от номенклатурных благ, куда легче заставить исполнять задание по соблазнению иностранца. Не произошло ли именно это с Марой Пасенниковой?

Весной 1923 года Артамонов перебрался в Одессу, где продолжал исполнять функции координатора иностранных благотворительных организаций, затем стал сотрудником Наркомата внешней торговли и промышленности – это была идеальная крыша для поездок за границу. Наркоматом, что важно, руководил Леонид Красин, давний деловой партнер Сиднея Рейли. В августе 1923 года Артамонов переехал в Берлин, оттуда в Варшаву. Его передвижения по европейским столицам показывают, что он часто находился в одно и то же время в тех же местах, что и Мара – или Мара и Видкун вместе. (Артамонов умер в глубокой старости своей смертью в Сан-Паулу, в Бразилии, в 1971 году.)

Если эта догадка верна, возникает ряд вопросов. Как долго Мария Квислинг оставалась в связи со своими лубянскими руководителями? Использовала ли она Квислинга «втемную» или он, сделавшись жертвой шантажа, был завербован? Ответы хранятся в российских архивах.

Мария Васильевна Квислинг была арестована вместе с мужем. Квислинг был признан виновным в государственной измене и 24 октября 1945 года расстрелян. Мару судить было не за что. Она вела уединенный образ жизни в квартире, хорошо знакомой Асе, и умерла в Осло в январе 1980 года. За 10 лет до смерти она дала интервью американскому журналисту, которое так и не было опубликовано и появилось в норвежской печати лишь в 2005 году. Мария говорит, что считает своего покойного мужа мучеником, а не предателем. Журналисту запомнились в квартире висящие рядом на стене портреты Квислинга и Гитлера, под каждым из которых горела, как лампадка, свеча.

Александра Воронина-Квислинг, по третьему мужу Юрьева, скончалась в Калифорнии в октябре 1993-го. Она прожила незаурядную жизнь и до конца, несмотря на тяжкий недуг, сохраняла ясность мысли и прекрасную память.

► закрытым партийным судом (оказалось, впрочем, что он пошел на повышение).

Начальником Помгола стал элегантный, рафинированный Константин, он же Юрий Александрович, Артамонов – полная противоположность грубяну Башковичу. Ася знала, что Артамонов окончил привилегированный Императорский Александровский лицей (бывший Царскосельский), воевал в царской, а затем в Белой армии, после чего осел в Ревеле. Каким образом он оказался во главе Помгола, Ася не знала и очень удивлялась этому.

И впрямь занятно. Артамонов – личность известная, и известен он своей ключевой ролью в операции «Трест», в ходе которой в качестве приманки для вождей белой эмиграции сотрудниками ГПУ была создана фальшивая подпольная организация монархистов внутри России. В истории русского революционного движения агент-провокатор часто сливался со своей ширмой и в конечном счете сам переставал различать, сотрудник ли он охранки или революционер. Так было со знаменитым Азефом, с Бо-

гровым – убийцей Столыпина. Так было, по всей видимости, и с псевдоконспираторами «Треста»: в какой-то момент Голем перестал подчиняться приказам хозяина.

Юрий Артамонов был однокашником главного действующего лица операции «Трест» – Александра Александровича Якушева, сотрудника Наркомата путей сообщения и по совместительству руководителя мифического Монархического объединения Центральной России (МОЦР), которую заговорщики, подлинные и мнимые, называли для конспирации «Трестом». Оба окончили лицей в 1907 году.

Осенью 1921 года Якушев поехал по делам службы в Швецию, Норвегию, Швейцарию и Германию, а на обратном пути завернул в Эстонию, где и встретился со своим старым товарищем, о связях которого в кругах русской эмиграции в Лубянке было известно. С этой встречи и началась операция. Якушев рассказал Артамонову о тайной организации и о том, что она ищет контакты на Западе. Артамонов немедленно до-

вел эту информацию до сведения князя Ширинского-Шихматова, члена Высшего монархического совета. Тот поставил в известность и британскую разведку, а та подключила к операции Сиднея Рейли.

Был ли провокатором Артамонов? Наверняка этого утверждать нельзя, но ведь занял же бывший белогвардеец по чьей-то высокой протекции ответственный пост, да еще и предполагающий взаимодействие с иностранными организациями и заграничные командировками. Артамонов нравился Квислингу, он работал с ним с удовольствием. Надо сказать, что у Аси были смутные подозрения: ей иногда казалось, что ее муж занимается чем-то недозволенным, но она думала, что это скупка и контрабанда ценностей. Однако легко можно представить, что Квислинг участвовал в контактах с «Трестом»: он был офицером норвежского Генерального штаба.

Пытаясь обольстить Асу и ее подругу, Башкович, конечно, мог просто использовать служебное положение в личных целях. Но что, если обольщение было ча-

■ УРОКИ РУССКОГО

Кирстен Сивер, переводчик и литератор, работала над книгой «В тени Квислинга» 18 лет. Она по крупицам собирала материал в архивах. Но главная ценность книги – тексты, написанные от первого лица самой Александрой. Кирстен Сивер живет в Пало-Альто, Калифорния

– Как вы познакомились с Александрой?

– Я преподавала тогда норвежский язык в Стенфордском университете и делала переводы, когда мне их заказывали. Однажды мне позвонил мужчина с сильным русским акцентом и спросил, не могу ли я перевести некоторые статьи из журнала, издающегося в Осло. Оказалось, что эти статьи рассказывают о квартире и предметах искусства, принадлежавших Марии Квислинг, которая скончалась. (Александра много лет пыталась получить назад свои личные вещи, оставленные в квартире. После смерти Марии Квислинг 17 января 1980 года вещи были проданы с молотка. Отметим также, что, хотя Мария и считалась «вдовой» Квислинга, официального развода и вступления в новый брак, судя по всему, не было – во всяком случае, никаких документов на этот счет не сохранилось. – **В. А.**) Я перевела статьи, после чего заказчик спросил, не могла бы я прочесть книгу, перевести введение к ней и кратко изложить ее содержание. Книга называлась «Дневник Марии Квислинг». На самом деле она ее не писала – ее составил норвежский автор. Спустя некоторое время г-н Юрьев позвонил мне и спросил, прочла ли я книгу. Я сказала, что прочла. Тогда он спросил: «Как вам понравилась Мария?» И добавил, кажется, так: «По-моему, к концу книги она выглядит не лучше, чем в начале». Он попросил пересказать высказывания Марии о первой г-же Квислинг, выслушал и заявил, что Мария лжет и что он может доказать это. Я с такими вещами столкнулась прежде и потому ничего не ответила. Я сказала: «Я и понятия не имею, что была еще одна г-жа Квислинг». И тут он спросил, не хочу ли я познакомиться с его женой и предложил помочь ей написать книгу воспоминаний. Я отнеслась к его просьбе без энтузиазма, и тогда он сказал, что он женат на первой жене Квислинга и располагает большим объемом исторических сведений. Я встретилась с Александрой. Она была тогда инвалидом, прикованным к постели, но сохранила силу духа. Свои воспоминания она наговаривала на диктофон и записывала, иногда по-русски, иногда по-английски. Ее муж переводил русские фрагменты. Она была из тех людей, которые обвиняют во всех своих бедах

самых себя. И меня увлекла эта маленькая хрупкая женщина, ее ум, необыкновенная история ее жизни и ее реакция на все, что с ней произошло.

– История Александры по-человечески очень трогательная и очень русская. Таких девочек, которым приходилось выживать в немилосердных условиях, было, конечно, очень много. Но оказывается, этим девочкам, помимо куска хлеба, нужна была еще и любовь. Как она смогла полюбить Квислинга? В книге нарисован не слишком привлекательный портрет: высокомерный сноб, равнодушный эгоист...

– В нем были качества, способные пленить. Но, помимо этого, она нашла в нем замену отцу, которого рано лишилась. Все три ее брака имели эту общую черту – каждый мужчина давал ей почувствовать, что она много значит для него. На короткое время таким мужчиной стал для нее и Квислинг. Во время их вечерних прогулок он внушил ей это особенное чувство. Я считаю, что это как раз то, о чем вы говорите: этим русским девочкам в тогдашней России нужно было не только выжить, но и чувствовать себя любимыми. Именно это с ней и случилось.

– Насколько Квислинг был эффективен в качестве представителя миссии Нансена?

– Его участие в усилиях Нансена выражалось главным образом в организации доставки продовольствия из пункта А в пункт Б в обстановке хаоса, когда порядки менялись от дня ко дню. Он не занимался распределением продовольствия – он обеспечивал его транспортировку из портов. Я считаю, что ему в заслугу следует поставить также то, что право распределять продукты он предоставил самим русским. Благодаря этому ему удалось избежать трений с властями, которые были так характерны для американцев: те настаивали на том, что они сами должны руководить кухнями для голодающих.

– В то же время он скупал и контрабандой вывозил из России антиквариат...

– Это было весьма недостойным занятием. Александра, когда поняла, что происходит, тоже считала, что это

ужасно. Он был не единственный, кто занимался этим, но это его нисколько не извиняет.

– Что за человек была Александра?

– Она была очень умной и красивой. Она отличалась потрясающим чувством юмора и умела справляться с трудностями. Я даже не знаю, понимал ли Квислинг, как с ней обращаться. Трудно ожидать от такого обворожительного, юного, маленького существа такой серьезности, с какой она порой говорила, или такого умения ставить на место своего оппонента. Возможно, это интересовало его, а время от времени заставляло чувствовать себя в неловком положении. Я думаю, это слово – «неловкость» – очень хорошо описывает суть их отношений. У них были прекрасные минуты, были и ужасные, но в основном им было неловко друг с другом.

– Она интересовалась политикой?

– Нет. Думаю, она воспринимала происходящее с точки зрения личной жизни и держалась от политики как можно дальше – и в России, и в Норвегии, и во Франции, и здесь, в США. Она не хотела иметь с этим ничего общего и никогда не говорила о политике. Она видела, что произошло с Квислингом, когда его увлекла политика, и это напугало ее до полусмерти. Она поняла, на что способен человек, которого одолели политические амбиции.

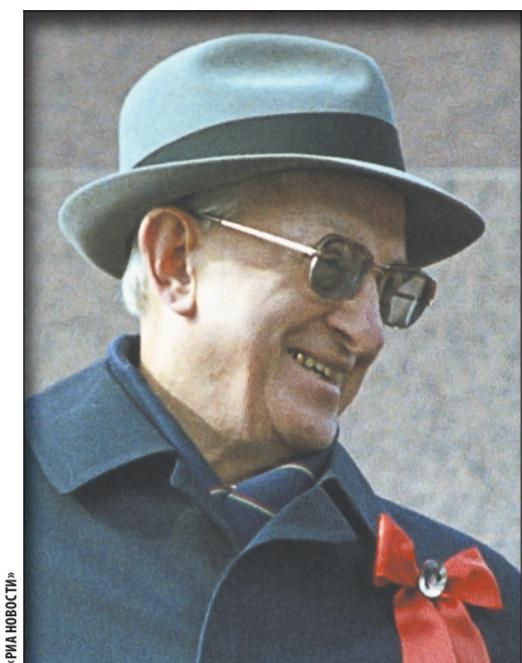
– В чем вы видите урок этой истории, чем она интересна сегодняшнему читателю?

– Я думаю, это важно – увидеть, как исторические события, о которых мы знаем со школьной скамьи, затрагивали жизнь обыкновенных людей. У меня к Квислингу особенно пристрастное отношение, потому что я выросла в Норвегии в годы нацистской оккупации. Для меня он был воплощением дьявола, а не человеческим существом. Так вот теперь я сказала бы, что тот, кто интересуется Квислингом, должен понять, что он был человеком из плоти и крови. О русской революции я знала только то, чему меня учили в школе. Я понятия не имела, пока не узнала историю Александры, что это значило для простых людей – каждый день добывать кусок хлеба. И я ничего не знала о голоде на Украине, несмотря на доклады Нансена. Эта работа открыла мне глаза.

«РИА НОВОСТИ»

ДОКУМЕНТЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АНДРОПОВА, КОТОРЫЙ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ РУКОВОДИЛ КОМИТЕТОМ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ И ЕЩЕ ГОД С НЕБОЛЬШИМ – ВСЕЙ НАШЕЙ СТРАНОЙ, ЕГО АНКЕТЫ И АВТОБИОГРАФИИ, СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ, ШКОЛЬНЫЙ АТТЕСТАТ, СВЕДЕНИЯ О РОДИТЕЛЯХ, БАБУШКАХ И ДЕДУШКАХ ХРАНИЛИСЬ В САМОМ СЕКРЕТНОМ АРХИВЕ ГОСУДАРСТВА. В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ СЕКРЕТНЫХ ПАПОК ЭТИ ДОКУМЕНТЫ ТОЛЬКО ЧТО РАССЕКРЕЧЕНЫ, И С НИМИ СМОГ ОЗНАКОМИТЬСЯ НАШ АВТОР

«РИА НОВОСТИ»

ДЕТСТВО ЮРИЯ и другие тайны из жизни председателя

■ Леонид МЛЕЧИН

Публикация 2008 года

Доступ к документам имели двое – Генеральный секретарь ЦК КПСС и всемогущий начальник Общего отдела ЦК. Только они – и больше никто! – вообще знали, что в архиве Политбюро спрятаны несколько папок, где речь идет о детстве, отчестве и юности Андропова, чья жизнь началась при очень неблагоприятных обстоятельствах.

Сегодня появилась возможность разобраться в тайнах этого человека, оказавшего столь большое влияние на судьбу страны. Прежде всего надо понять, почему вообще обстоятельства появления на свет Юрия Владимира Андропова, сведения о его родных, принадлежали к числу высших секретов государства, а однажды заполненная анкета едва его не погубила.

Донес в Москву

«Секретарю ЦК ВЛКСМ – тов. ГРОМОВУ
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
В декабре месяце 1938 года на IV Пленуме Ярославского обкома ВЛКСМ был избран первым секретарем обкома тов. Андропов Юрий Владимирович. За пять дней до Пленума бывшим первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ тов. Попковым мне было сообщено, что в 1937 году при вступлении тов. Андропова в ВКП(б) поднимался вопрос о его социальном происхождении, якобы отец тов. Андропова был офицером царской армии, мать происходила из купеческой семьи».

По тем временам обвинения были убийственные. За обман партии и попытку скрыть свое происхождение могли не только выбросить с руководящей работы, но и посадить. Тем более что в биографии Андропова было предостаточно темных пятен. Будущий председатель КГБ, заполняя анкету или составляя автобиографию, сам путался в именах, датах, степенях родства и часто писал разное.

Юрий Андропов указывал в анкетах, что родился 15 июня 1914 года в станице Нагутская Ставропольской губернии. Ныне это село Солунно-Дмитриевское Андроповского района, здесь на вокзале установлен бюст Юрия Владимира.

Его ближайший помощник и наследник на посту председателя КГБ Владимир

Юрий Андропов – студент рыбинского техникума (слева вверху, 1936 год), первый секретарь ЦК ЛКСМ Карелии (на фото второй слева, 1942 год) и генеральный секретарь ЦК КПСС (вверху, 1983 год)

приезжает жить на станции Моздок Северо-Кавказской железной дороги. Там он работал сначала смотрителем зданий, а потом инструктором санитарного дела.

В семье никого лишенных избирательных прав, судимых и раскулаченных нет и не было».

В Моздоке мать Андропова преподавала в школе, отчим учил подростков слесарному делу в фабрично-заводской семилетке. Туда же пристроил пасынка.

Юрию было всего четырнадцать, когда умерла и мать. Ему пришлось самому пробиваться в жизнь, помочь было некому. С отчимом он жить не захотел. Вычитал в газете, что открыт прием в Рыбинский речной техникум, где не только бесплатное обучение, но еще дают стипендию и общежитие. В марте 1932 года собрал необходимые документы и отправил по почте с просьбой его зачислить. Позднее честно признавался: «В Рыбинск попал по незнанию географии – думал, что последний гораздо ближе к Северному Кавказу».

«**РЫБИНСКИЙ РЕЧНОЙ ТЕХНИКУМ**
От помощника киномеханика
Андропова Юрия-Григория
Заявление

Прошу принять меня в техникум речного судоходства на отделение судоводительное или судостроительное. В настоящее время я работаю помощником киномеханика, рабочий стаж имею 2-годичный.

«**Отец я лишился, когда мне было 2 года, отец работал телеграфистом на железной дороге, мать умерла год назад. В настоящее время я живу у отчима и работаю при железнодорожном клубе на станции Моздок.**

Прошу ввиду дальнего расстояния точно сообщить то время, когда я должен буду прибыть в техникум. Прошу также обеспечить меня общежитием и стипендией (дописал сверху. – Л.М.), так как средств к дальнейшему существованию не имею».

Соответствующие документы прилагаю.

Мой адрес: станция Моздок
Северо-Кавказской железной дороги

Крючков утверждал, что в реальности Андропов родился годом позже. По его словам, Юрий Владимирович приписал себе год, чтобы его взяли в техникум, где платили стипендию. Похоже, это легенда, потому что сохранилось подлинное свидетельство о рождении, выданное юному Андропову.

«**Р.С.Ф.С.
ТЕРСКИЙ ОКРУГ
МОЗДОКСКИЙ**

Городской Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов

17 марта 1932 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ №68

Выдано в том, что Андропов Юрий-Григорий Владимирович родился в 1914 году 15 числа июня месяца, о чем в книге записей актов гражданского состояния произведена соответствующая запись...

Интересно, что в метрике указано двойное имя – Юрий-Григорий, что нехарактерно для России. И это не ошибка. В свидетельстве об окончании Моздокской фабрично-заводской семилетки, выданном 26 июня 1931 года, Андропов просто назван Григорием:

«**Н.К.П.С.**

Северо-Кавказские, имени С.Д. Маркова, железнодороги.

ОТДЕЛ ПРОСВЕЩЕНИЯ
Моздокская фаб.-зав. семилетка
26 июня 1931 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего Андропов Григорий Владимирович, родившийся в 1914 году,

обучался с 1923 года по 1931 год в Моздокской фаб.-зав. семилетке и окончил полный курс в 1931 году...

Своего отца, Владимира Константиновича, Юрий Андропов не помнил. Тот умер в годы Гражданской войны от сыпного тифа. Год его смерти Юрий Владимирович в разных анкетах почему-то называет разный.

«Отец мой, – писал Андропов в самой полной из своих автобиографий, – был дежурным по станции, затем начальником станции Нагутинская Северо-Кавказских железных дорог. В 1915 (или 16) году отец переезжает на станцию Беслан, где работает ревизором (или контролером) движения. Отец происходит из донских казаков. Его отец (мой дед) или учитель, или инспектор училищ (точно не знаю, никогда его не видел). По рассказам матери – оба служили на железной дороге. Сейчас оба умерли».

В другой автобиографии Андропов добавил: «Отец учился в Институте путей сообщения, но был оттуда исключен за пьянство. Имел 2-х дядей в городе Ростове-на-Дону (по отцу). Сам я их никогда не видел. По рассказам матери – оба служили на железной дороге. Сейчас оба умерли».

Мать Андропова, Евгения Карловна, овдовев, в 1921 году второй раз вышла замуж, опять за железнодорожника – Виктора Александровича Фёдорова.

«Мой отчим – помощник паровозного машиниста, – писал Андропов. – В 1923 или в 1924 году отчим в виду тяжелого материального положения бросает учиться в городе Орджоникидзе (бывший Владикавказ) в техникуме путей сообщения и

► Вокзал, жилой дом №24
Андропову Юрию
22 марта 1932 г.

Его приняли в техникум без экзаменов на первый курс судоводительского отделения. Предоставили общежитие и стипендию – сто шесть рублей. Отчима он родственником считать отказывался. Тот, напротив, старался поддерживать отношения с пасынком, тревожился, когда Юрий или Григорий – тогда в ходу были оба имени Андропова – не давал о себе знать.

«Гор. Рыбинск
Директору Речного техникума
От преподавателя труда и черчения
Железнодорожной школы станции Моздок
Фёдорова Виктора Александровича
Заявление

Прошу не отказать распоряжением выяснить и сообщить местонахождение и занятие моего пасынка Андропова-Фёдорова Юрия Владимировича. Имею сведения, что он, сдав переводные испытания по 1 курсу судоводительского отделения, определился на работу на пароход «Заготовщик» с 29 апреля сего года, и больше сведений от него не имею.

Семья обеспокоена, и, тщетно проходя долгие месяцы, я решил беспокоить Вас подобной просьбой».

Генерал, не служивший в армии

Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов любил именовать себя волжским матросом, намекая на свое рабочее прошлое. На самом деле матросом он был только во время короткой учебной практики, а поплавать по Волге после окончания техникума не пришлось. Желание быть моряком, похоже, оказалось не слишком сильным. После окончания техникума в мае 1936 года он был оставлен там секретарем комитета комсомола и комсоргом ЦК ВЛКСМ. Из речной юности вспоминал только боцмана, державшего в кулаке всю команду. Своего рода идеал руководителя. В деле №48 Ярославского областного комитета ВКП(б) хранится «Личный листок по учету кадров», заполненный Андроповым 7 сентября 1938 года:

«В других партиях и в оппозиции не состоял. В революционном движении не участвовал и репрессиям за революционную деятельность не подвергался. В войсках или учреждениях белых правительств не служил. Образование среднее техническое, специальность – техник по эксплуатации речного транспорта... Отношение к военной службе в настоящее время: снят с военного учета».

От воинской службы Андропов был освобожден по состоянию здоровья – из-за плохого зрения. Но став председателем КГБ, не смог преодолеть искушение. Ни одного дня не служивший в Вооруженных силах Юрий Владимирович был произведен в генералы армии и по праздникам с удовольствием носил форму, почти не отличавшуюся от маршальской.

Моздокская семилетка и четыре года в Рыбинском техникуме – вот и все образование будущего главы государства. Когда его в 1940 году перевели в Петрозаводск, Андропов поступил в только что открывшийся Карело-Финский государственный университет. Но учебе помешала война. Впрочем, фронта Андропов избежал, он был нужнее в тылу – четыре военных года возглавлял республиканский комсомол.

После войны, в январе 1947 года, став уже вторым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР, Андропов заочно (без сдачи экзаменов) окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Она как раз и создавалась для практических работников, не имеющих времени для образования, а чаще и желания его получить.

Потом будут ходить легенды о его энциклопедических познаниях, о том, что он в совершенстве знал английский язык. Чего не было, того не было. Английский Юрий Владимирович пытался учить уже будучи председателем КГБ, но в таком возрасте и при такой занятости это оказалось практически невозможным. Впрочем, работа за границей, чтение

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ИЗ АРХИВА АВТОРА

шественник Юрия Владимировича и сигnalizировал: «отец Андропова был офицером царской армии, а мать из купеческой семьи».

Бдительная Капустина затеяла настоящее следствие с очными ставками и в январе 1939 года доложила начальству:

«Я поставила этот вопрос перед секретарем Ярославского обкома ВКП(б) тов. Шахуриным, проверила в партколлегии, где знакомилась с его делом при приеме в партию. В беседе со мной и секретарями Ярославского обкома ВКП(б) тов. Шахуриным и Ларионовым Андропов категорически отрицал принадлежность отца к Белой армии и происхождение матери из купеческой семьи».

**Андропов попросил развода.
Нина Ивановна, женщина гордая, ответила,
что согласна. Она ничего не требовала,
никому не жаловалась. Поэтому развод
сошел Юрию Владимировичу с рук.**

книг и справок, общение с интеллигентной публикой в какой-то степени помогли ему компенсировать отсутствие систематического образования.

Должности освобождались быстро

В ноябре 1936 года политотдел Управления речного плавания перебросил его из техникума комсоргом ЦК ВЛКСМ на Рыбинскую судоверфь имени В. Володарского. Юрию исполнилось двадцать два года. С тех самых пор и до конца жизни Андропов непрерывно находился на комсомольско-партийно-аппаратной работе – с перерывом на посольскую деятельность и на председательство в КГБ.

Комсомольская юность пришла на разгар репрессий. Большой террор не обошел и ярославский комсомол. В марте тридцать седьмого первый секретарь обкома ВЛКСМ Борис Павлов призвал комсомольцев выкорчевывать из собственных рядов «банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц». Он, конечно же, не подозревал, что ждет его самого. В июне Павлова перевели с повышением на партийную работу, а в конце сентября арестовали как участника «право-троцкистской банды».

Бывший руководитель областного комсомола не выдержал пыток, подписал составленные следователем областного управления НКВД протоколы допросов и был приговорен к расстрелу. Сняли, а затем и арестовали руководителей Рыбинского горкома комсомола. Сохранилась речь начинающего комсомольского работника Андропова на городском активе. Юрий Владимирович с юношеским пылом разоблачал врагов народа:

– ЦК ВКП(б) не раз предупреждал партийные и комсомольские организации о бдительности. Существовала теория, что в комсомоле нет и не может быть врагов. А враги народа – троцкисты, шпионы, диверсанты – пытаются пролезть в каждую щель, используя слабые места. Враги народа свили себе гнездо в ЦК ВЛКСМ, они пытались разложить молодежь и на почве разложения отвлечь ее от борьбы с врагами.

В сентябре 1937 года Юрия Андропова взяли в Рыбинский горком комсомола заведовать пионерским отделом и утвердили членом бюро. Через две недели перевели в обком руководить отделом учащейся молодежи. Месяц спустя Юрия Владимировича утвердили третьим секретарем Ярославского обкома комсомола. Это уже была номенклатурная должность. Он сразу получил квартиру в доме для областного начальства – в двух минутах ходьбы от обкома. Собственно, должности освобождались чуть не каждый день. В 1937 году областные чекисты арестовали больше пяти тысяч человек.

Карьера в годы чисток делались быстро, надо было только самому уцелеть. В декабре 1937 года сняли очередного первого секретаря Ярославского обкома

Вверху: Юрий Андропов и Нина, его первая жена.

Внизу: сын Андропова от второго брака Игорь (на заднем плане) на конференции по европейской безопасности в 1983 году

Мною был послан для проверки на место рождения и жительства семьи тов. Андропова работник Ярославского обкома ВЛКСМ тов. Пуляев, а по приезде в Москву мною лично был проверен материал, касающийся социального происхождения матери тов. Андропова.

Установлено следующее:

Отец тов. Андропова, инженер-путепроводчик, умер в 1919 г. от брюшного тифа. В Белой армии не служил. Дед Андропова (по отцу) работал в Ростове в качестве инспектора реальных училищ.

Мать Андропова с 17-летнего возраста работала учительницей. Воспитывалась в семье (куда была подкинута грудным ребенком) Флекенштейн, финляндского гражданина, временного купца 2-й гильдии, который умер в 1915 г. Бабка после его смерти жила своим трудом, сейчас получает пенсию.

По словам приемной бабки Андропова Флекенштейн, у Андропова живет не его тетка, а его няня, что никаких сведений о родной бабке Андропова они не имели и не знают, кто она.

Из этого становится ясным, что тов. Андропов дал неправильные сведения о социальном происхождении своей матери. Я считаю необходимым потребовать у тов. Андропова объяснение причин, побудивших его дать эти неверные сведения».

Докладная записка была адресована Григорию Петровичу Громову, новому секретарю ЦК ВЛКСМ по кадрам. В комсомол его направили с высокой должности

Дедушка-купец и чужая тетка

На пленум обкома из Москвы приехала инструктор ЦК комсомола Капустина. Именно ей снятый с должности пред-

заместителя заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Опытный Громов прежде всего поинтересовался мнением Ярославского обкома партии. Судьба Андропова оказалась в руках второго секретаря обкома КПСС Алексея Ларионова, ведавшего местными кадрами.

«По Вашему требованию, – писал Андропов, – присылаю автобиографию и объяснение к ней. Мать моя младенцем была взята в семью Флекенштейн. Об этой семье мне известно следующее: сам Флекенштейн был часовей мастер. Имел часовую мастерскую. В 1915 году во время еврейского погрома мастерская его была разгромлена, а сам он умер. Жена Флекенштейна жила и работала в Москве. Прав избирательных не лишилась.

Родная мать моей матери была горничной в Москве. Происходила из Рязани. О ней мне сообщила гражданка Журжалина, проживающая у меня. Журжалина знает мать с 1910 года, живет у нас с 1915 года. Прежде она была прислугой в номерах (Марьина роща, 1-й Вышеславцев переулок, дом №6). Моя мать – родственница Журжалиной по ее мужу.

Все это записано мною со слов Журжалиной.

Тетка или не тетка мне Журжалина?

Не тетка. В анкете Журжалина указана мною как тетка потому, что я просто затрудняюсь определить степень родства (как и она сама). В этом я ничего плохого и предвзятого не видел и не вижу.

Как случилось, что я не знал, что дед мой – купец 2-й гильдии?

Я и сейчас об этом не знаю, а попытки, чтобы узнать делал:

Я перед вступлением в ВКП(б) просил отчима как можно подробнее рассказать мне о родителях, так как о последних я знаю очень мало. Он ответил мне письмом (оно у тов. Ларионова), в котором ни слова не говорит о том, что Флекенштейн был купец.

Сама Флекенштейн в 1937 году, когда я брал у нее документ (справку о нелишении прав), ничего мне о «купцах» не говорила.

На карту было поставлено все. Андропов поехал в Москву. Человек еще молодой, но уже опытный аппаратчик, он пошел в Моссовет. Попросил справку, что Флекенштейн избирательных прав не лишалась. В те годы избирательных прав лишали так называемые эксплуататорские классы, под эту категорию подпадали и бывшие купцы. Они назывались забытым уже словом «лишенцы». При надлежность к лишенцам была крайне опасна. По этим же спискам составлялись другие – на арест и высылку.

Справку, доложил Андропов, ему не дали, но сообщили, что в списке лишенных избирательных прав Флекенштейны не значатся.

«При вступлении в ВКП(б), – писал Андропов, – партком верфи запрашивал на мою родину и в Беслан, и в Моздок. Партиком подтвердили, что дед мой (то есть Флекенштейн) торговал, но что был купцом, да еще 1-й или 2-й гильдии, не говорили. Исходя из этого при вступлении в ВКП(б) и на пленумах я также говорил о торговле, а не о купечестве.

Свою биографию я знаю со слов Журжалиной и Фёдорова, с которыми жил и сталкивался, с их слов и рассказывал ее.

Вот все, что мог я сообщить. Прошу только как можно скорее решать обо мне вопрос. Я чувствую ответственность за организацию и вижу гору дел. Решаю эти дела. Но эта проклятая биография прямо мешает мне работать. Все остальное из моей биографии сомнению не подверглось, и поэтому я о нем не рассказываю».

Андропов совершенно прав: «проклятая биография мешает работать!» Дурацкое выяснение обстоятельств его появления на свет, социальное происхождение его деда и бабки – какое все это имело значение для его жизни и работы?!

Удивительно, что он не извлек уроков из собственной истории. Он пятнадцать лет руководил КГБ, и его подчиненные занимались тем, что рылись в далеком прошлом людей, выясняя их социальное или национальное происхождение. И прошлое губило людей. А вот самому Андропову повезло.

Энергичный, моторный, заводной, второй секретарь обкома Алексей Лар-

«Среди своих» в комнате отдыха Политбюро: на переднем плане (слева направо) – Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Михаил Зимянин, Константин Черненко и Алексей Косягин

рионов был всего на семь лет старше Андропова и всячески покровительствовал молодому человеку. Они спас его от бдительных кадровиков из ЦК комсомола, убедил нового хозяина Ярославской области, что Юрий Владимирович действительно ничего не знал о деде-купце, тем более что дед вроде и не настоящий, а приемный.

Когда Сталин перебросил Шахурина в Горький, первым секретарем Ярославского обкома стал Николай Семёнович Патоличев, еще более видная фигура в советские времена, впоследствии член ЦК КПСС и министр внешней торговли. Несмотря на слухи о неясности происхождения Андропова, Патоличев распорядился принять его в партию – и даже раньше положенного по уставу срока.

Патоличев подписал решение бюро: «тov. Андропова Ю.В. принять в члены ВКП(б) по четвертой категории как служащего». От руки приписано: выдан партбилет 2605010.

Но все равно процесс проверки происхождения Андропова затянулся. Избрали его первым секретарем обкома комсомола в декабре 1938 года, а утвердили в середине апреля 1939-го. Должность была номенклатурная, кандидатура подлежала согласованию в Москве, а там дали добро на его назначение еще через пять месяцев.

В 1939 году Алексей Ларионов привлек молодого Андропова к весьма заметному делу – строительству гидроузлов на Волге. Занимался этим НКВД, строили заключенные, но их не хватало, Андропов отправил на стройку несколько тысяч молодых ярославцев.

14 июля 1944 года по докладной записке наркома внутренних дел Берии появился указ президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями инженерно-технического, административно-хозяйственного состава и рабочих Волгостроя НКВД» за «выдающиеся успехи и технические достижения по строительству гидроузлов на реке Волге».

Ордена получила большая группа сотрудников Главного управления лагерей НКВД. Орден Красного Знамени вручили и Андропову как бывшему секретарю Ярославского обкома комсомола, хотя к тому времени он уже уехал из города.

Покровитель Андропова Алексей Николаевич Ларионов прославился в хрущевские времена. Ларионов, тогда уже первый секретарь Рязанского обкома, пообещает Хрущёву сдать государству в три раза больше мяса, чем запланировано, получит золотую звезду Героя Социалистического Труда, а когда выясниется, что все это липа, то ли покончит с собой, то ли умрет от сердечного приступа...

«Тов. Горбачёву доложено»

Самое потрясающее в личном деле Юрия Владимировича Андропова, которое теперь доступно исследователям, – лист бумаги, на котором от руки написано: «Данные архивные материалы были доложены тов. Горбачёву М.С. 23 июля 1986 г.» Подпись: А.Лукьянов.

вечно незабываемо близкая Нинурка. В память о далеких, морозных, но полных счастья ночных, в память вечно сияющей любви посыпает тебе твой хулиган Юрий».

Кто мог подумать, что Юрий Владимирович Андропов способен на такие сильные чувства? Он вернул любимую женщины из Ленинграда и добился своего: они поженились. Он сфотографировался с женой и на обратной стороне снимка 1 марта 1936 года своим четким почерком написал:

«Если вам когда-нибудь будет скучно, если вы хоть на минуту почувствуете себя несчастной, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье заразительно. Оно вместе с воздухом проникает к вам в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы».

У них родились двое детей: в 1936 году – дочь, ее называли Евгенией в честь бабушки по отцовской линии, в 1940-м – сын, названный в честь деда Владимировом. Но брак оказался недолгим. Вскоре после рождения сына Андропов уехал на новое место работы, в Петрозаводск. Уехал один, без семьи. Отговорился:

– Пока там нет квартиры, негде жить.

И вроде бы только няня, хорошо знавшая своего Юру, печально сказала:

– Ты уезжаешь навсегда. Ты уже не вернешься...

Он уехал и долго не писал. Потом письменно попросил развода. Нина Ивановна, женщина гордая, тут же ответила, что согласна. Нина Ивановна работала в архиве местного управления НКВД, второй раз вышла замуж. По словам дочери, продолжала любить Андропова... Но ничего от него не требовала, ни о чем не просила, никому не жаловалась. Поэтому развод сошел Юрию Владимировичу с рук, хотя в партийном аппарате и в КГБ уход из семьи, мягко говоря, не одобрялся.

Когда ее бывший муж стал генеральным секретарем ЦК КПСС, жизнь Нины Ивановны изменилась. На нее все стали обращать внимание, и ей это было очень неприятно. Она еще больше переживала. Дочь считает, что именно поэтому она заболела раком...

Детьми от первого брака Андропов почти не интересовался, не помогал в трудные военные годы. Он лишь отправил к ним свою бывшую няню, Анастасию Васильевну Журжалину, которая так и жила с ними до смерти. Его дочь Евгения стала врачом и всю жизнь прожила в Ярославле. Отца она практически не видела. Один раз после войны, когда они оказались под Москвой, няня позвонила Юрию Владимировичу, и он приехал посмотреть на детей. Потом вторая жена отца, Татьяна Филипповна, как-то прислала ей письмо и пригласила девушку к себе.

По словам Евгении Юрьевны, «отец тяготился встречами, спешил». Он несколько раз устраивал ей с ребенком путевки, чтобы они могли отдохнуть. Когда Андропов стал генеральным секретарем, местные власти по собственной инициативе тут же переселили его дочь в новую квартиру.

Судьба старшего сына Андропова, Владимира Юрьевича, названного в честь деда, сложилась неудачно. Он дважды сидел в тюрьме за кражи. Владимир Андропов уехал подальше от родных мест – в Тирасполь, работал механиком-наладчиком в конструкторском бюро швейной фабрики. Женился, ему дали квартиру, в 1965 году на свет появилась Женя Андропова, внучка Юрия Владимировича.

Нарушать закон Владимир Юрьевич перестал, зато начал пить. Юрий Владимирович присыпал сыну деньги, но потребности в общении не испытывал. Скрывал, что у него сын сидел в тюрьме. Таких родственников не было ни у кого из членов Политбюро. Вообще-то в кадры КГБ не брали, если в семье есть осужденный преступник.

Владимир Юрьевич Андропов скончался 4 июня 1975 года, ему было всего тридцать пять лет. Умирал он тяжело. Говорят, надеялся хоть перед смертью увидеть отца. Юрий Владимирович не приехал ни в больницу, хотя было известно, что его сын смертельно болен, ни на похороны.

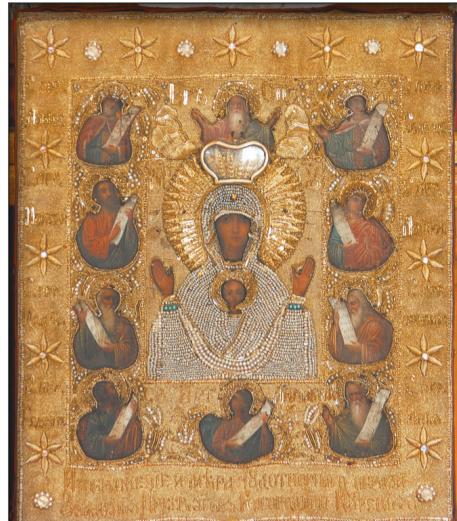
Забытые дети

В 1935 году, еще в Рыбинске, Юрий Владимирович женился на выпускнице своего же техникума Нине Ивановне Енгалычевой, дочери управляющего отделением Госбанка. Она училась на электротехническом отделении и была капитаном сборной техникума по волейболу. Рассказывают, что познакомились они на дружеской вечеринке. Странная и темноглазая, она произвела сильное впечатление на молодого Андропова.

В семье хранилось фото, которое Юрий Андропов подарил будущей жене, когда она после техникума уехала работать в Ленинград. Фото он снабдил романтической подписью:

«На память о том, кто так нежно и страстно тебя любит. Милая, милая далекая и

Курское знамение

В НОЧЬ НА 1 МАЯ 2006 ГОДА В КУРСКЕ БЫЛА ПОХИЩЕНА ОДНА ИЗ САМЫХ ПОЧИТАЕМЫХ СВЯТЫНЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ – ЧУДОТВОРНАЯ КУРСКАЯ КОРЕННАЯ ИКОНА ЗНАМЕНИЯ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СОТРУДНИКАМ МИЛИЦИИ УДАЛОСЬ ЕЕ ВЕРНУТЬ. ОДНАКО ПОДРОБНОСТИ ЭТОГО ДЕЛА ДО СИХ ПОР БЫЛИ НЕИЗВЕСТНЫ

■ Тaisia БЕЛОУСОВА

Публикация 2007 года

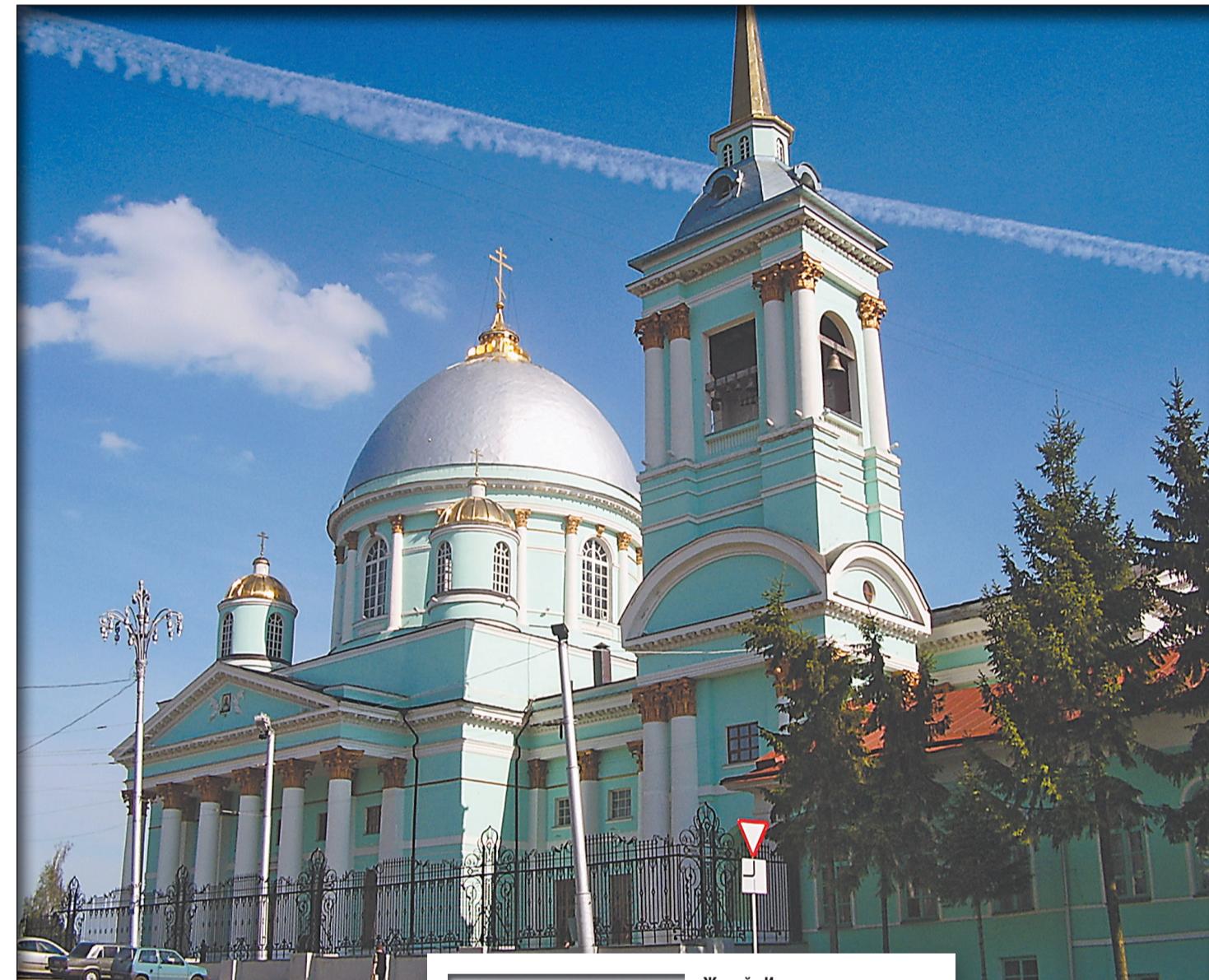
По преданию, икону обнаружили охотники 8 сентября 1295 года в 30 километрах от Курска, «близь реки Тускари», под корнями большого дерева. После того как икону подняли с земли, на этом месте забил святой источник. Пораженные чудом охотники построили поблизости небольшую деревянную часовню, куда и поместили образ Богоматери. Местный князь несколько раз пытался перенести образ в Рыльск, но тот чудесным образом снова оказывался в часовне. Очень скоро икона прослыла в народе Чудотворной, а изображенную на ней Богоматерь стали считать покровительницей и заступницей Курской земли.

В 1597 году известие о Чудотворной иконе дошло до царя Фёдора Иоанновича. Тот приказал возродить Курск, разоренный еще в нашествие Батыя, а на месте обнаружения иконы повелел основать мужской монастырь – Курскую Коренную пустынь с церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы. На время икону для поклонения перенесли в Москву, где ее вставили в деревянный оклад, украшенный изображениями Господа Саваофа и ветхозаветных пророков, серебром, речным жемчугом, драгоценными камнями и золотой пеленой, шитой царевнами.

При Борисе Годунове, в страшный голод куряне молились Чудотворному образу и... собрали небывалый урожай. В 1612 году икона, как считалось, спасла Курск от захвата поляками. После чего здесь был возведен монастырь во имя Знамения Пресвятой Богородицы. (Позже царь Алексей Михайлович выделил деньги из государевой казны на строительство в монастыре каменного собора.) В 1618 году было положено начало курским крестным ходам: 12–13 сентября икону Божьей Матери переносили из Коренной пустыни в Курский Знаменский монастырь, а в 9-ю пятницу после Пасхи ее возвращали в Коренную пустынь.

Икона Курской Божьей Матери считается покровительницей русского воинства. Перед ней молился о ниспослании победы направлявшийся под Полтаву Пётр I; во время Отечественной войны 1812 года ее список (копия) был передан фельдмаршалу Кутузову.

Рассказывают, что Курская Божья Матерь исцелила мальчика Прохора, ставшего впоследствии преподобным Серафимом Саровским, а в 1892 году избавила край от эпидемии холеры. В марте 1898 года, желая развенчать веру народа в чудотворность иконы, местные студенты-бездожники устроили взрыв в Знаменском соборе. Здание иконостаса были сильно повреждены, сама же икона осталась невредима. После этого монахи

решили создать несколько ее списков. В 1902 году их освятили на подлиннике Чудотворной иконы.

После установления в Курске советской власти, в апреле 1918 года Чудотворная икона и список с нее были похищены из Знаменского монастыря. Монахи подозревали местных чекистов, а те, посадив монахов под домашний арест, заявили, что именно они спрятали иконы, чтобы настроить верующих против советской власти. Через несколько дней две девочки обнаружили иконы на дне старого колодца, правда, без золотых риз.

А в 1919 году Чудотворная икона в сопровождении монахов Знаменского монастыря покинула Курскую землю вместе с отступающей Белой армией. Вначале она находилась в Константинополе, в Салониках, в Белграде, а в 1943 году ее перевезли в США, где поместили в основанную под Нью-Йорком Новую Коренную пустынь. От старой Коренной пустыни к этому времени остались одни воспоминания – каменные храмы разрушены, святой источник залит бетоном...

В Курске верующие молились перед списком иконы Курской Божьей Матери, который также почитается Чудотворным. В киоте (коробе), в котором помещен образ, находилось большое количество золотых ювелирных изделий – подношения верующих в благодарность за спасение жизни, исцеление от тяжких недугов, помощь в делах.

Жирайр Ирициан (он же Симонян) уже был осужден за кражу государственной собственности на 7 лет в Белоруссии. Теперь ему придется отсидеть еще больший срок в российских тюрьмах – за похищение из Кафедрального Знаменского собора Курска (вверху) Чудотворной Курской Коренной иконы Знамения Божьей Матери (слева вверху)

час тяжко возвращаться домой, разрешите потрудиться в вашей обители...» Эконом, тронутый горем безутешного отца, не отказал.

Десять дней Владимир старательно занимался мелким ремонтом. А между делом знакомился и входил в доверие ко всем, кто

трудился в Знаменском соборе. Постепенно он выяснил, как работают охранники, спят ли они по ночам, есть ли в храме сигнализация, у кого хранятся ключи от него. По вечерам он часто заходил в сторожку к охранникам, предлагал тем выпить. Расспрашивал Владимира об истории собора и ценности хранящихся в нем образов. Особенно его интересовала Чудотворная икона. Священнослужители не раз видели нового работника, стоящего перед образом Богородицы.

28 апреля Владимир попросил эконома разрешить ему временно пожить в обители, мол, на съемной квартире то и дело происходят пьянки-гулянки. В тот же день отзывчивые монахи нашли ему место в братском корпусе. Перед заселением эконом попросил Владимира предъявить какой-либо документ, удостоверяющий его личность. Тот показал российский паспорт на имя

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II с вновь обретенной иконой

Владимира Симоняна, прописанного в поселке Коммунар Ленинградской области. На всякий случай эконом сделал ксерокопию документа.

30 апреля Владимир пошел на ужин с монастырским электриком, и пока тот трапезовал, тайком вытащил из кармана его куртки ключи от подсобных помещений собора. Хватившись ключей, электрик подумал, что их потерял. Решив поискать их утром, он спокойно отправился спать.

Поздно вечером Симонян попил кофею вместе с охранником собора. Через час тот почувствовал себя плохо, прилег в сторожке и... уснул крепким сном.

В полночь Симонян вошел в соборную подсобку, сапожным ножом вырезал дыру в гипсокартонной стене, через которую проник в центральное помещение собора. Прихватив икону Курской Божьей Матери с драгоценностями, три иконы работы XIX–XX веков в серебряных окладах (два «Спаса Вседержителя», «Божья Матерь Владимирская», «Спас Нерукотворный»), паниклило, а также серебряные изделия с витрины церковной лавки, Симонян покинул почивавших монахов.

Неуловимый игрок

В УВД Курской области о дерзком ограблении собора стало известно утром 1 мая. На место происшествия выехали сразу три оперативные группы под руководством заместителя начальника Следственного управления при областном УВД полковника Хахалева. В тот же день провели все необходимые осмотры, сняли отпечатки пальцев, следы обуви и даже получили результаты необходимых экспертиз. Для ведения предварительного следствия была создана следственно-оперативная группа, куда вошли самые опытные сотрудники: Шевелев К.В., Ишунин А.В., Малыхин К.Н., Седых, Серебряков С.И., Летов Е.В., Тяпышев С.В., Дудин В.Н. и другие. Возглавил ее начальник отдела Следственной части Игорь Турецкий.

После допроса священнослужителей и работников собора под подозрение попали два человека: некто Жуков, житель Воронежа, ночевавший в монастыре и покинувший его рано утром, и неизвестно куда подевавшийся Симонян. Жукова отыскали быстро, краже тот причастен не был. 2 мая объявили в розыск Владимира Симоняна.

Узнав о похищении Чудотворной иконы, многие верующие пришли в отчаяние. По области поползли слухи: без Заступницы Курскую землю ждут беды и несчастья пострашнее чернобыльской катастрофы...

Тем временем оперативники пытались установить местонахождение Симоняна. Выяснилось, что в Курск он прибыл из Орла 30 марта, три недели «безутешный отец» жил в гостиницах «Центральная» и «Курск» и коротал время в игровых залах и букмекерских конторах. Одному из жителей Курска, с которым он познакомился в игровом клубе, рассказал, что у него погибла... дочь, сам он попал в аварию. Желая поработать в монастыре, попросил найти ему квартиру. Тот помог.

Предполагая, что грабитель мог покинуть город, обратились за помощью в линейное отделение милиции. Оказалось, Симонян после ограбления поездом уехал в Орел. Туда отправились оперативники. Они узнали, что Симонян, проживая ранее в городе, неоднократно общался с криминальной публикой, играл и делал крупные ставки в букмекерских конторах. Но в Орле Симоняна не нашли. Позже станет известно, что тот, купив билет до Орла, доехал до Тулы. Здесь его след потерялся.

5 мая из Главного информационного центра МВД РФ пришло пренеприятное известие – человек, выдающий себя за Владимира Симоняна, в действительности является уроженцем Грузии Жирайром Александровичем Ирицианом. В 1996 году в Белоруссии за хищение государственной собственности был осужден на 7 лет. В 1998 году бежал из исправительно-трудовой колонии Новополоцка и с тех пор находится в розыске.

По месту прописки в Ленинградской области «Симоняна» никто не видел. Мало того, оказалось, что « проживал » он на несуществующей улице, то есть штамп о прописке был поддельным. В Смоленске оперативники узнали, что в августе 2001 года беглец подал заявление в паспортно-визовую службу Смоленского РОВД с просьбой восстановить российское гражданство и предъявил паспорт СССР на имя Владимира Симоняна, жителя Мартунинского района Армении. Паспорт он получил. Затем выправил себе и загранпаспорт и права на вождение легкового автомобиля. С этими документами он свободно передвигался по России и Белоруссии.

Искать человека, не имеющего гражданства, определенного места жительства, живущего под чужими документами дело практически безнадежное. К тому же Ирициан, по данным компьютерной базы «Розыск-Магистраль», только в феврале–марте 2006 года успел побывать в Петербурге, Витебске и Борисове (Белоруссия), Брянске, Москве, Курске, Орле и вновь в Курской области. Но сыщики продолжали свое дело: скрупулезно устанавливали родственные, деловые и преступные связи Ирициана.

Чтобы не допустить вывоза исторических и культурных ценностей за пределы России, во все пограничные управление ФСБ РФ разослали соответствующие ориентировки. А Ирициана объявили в международный розыск. К делу подключились сотрудники МВД РФ, столичного ГУВД и Интерпола. Когда появилась информация о возможном вывозе иконы во Францию, сотрудники Интерпола обыскивали самолет, отправлявшийся в Париж. Иконы там не было.

Руководство Курской епархии какое-то время пребывало в растерянности.

Если не найдут Чудотворную икону, с чем же тогда совершать крестный ход? В епархии имелся еще один список Курской Богоматери, но ведь народ приезжал поклониться именно той, Чудотворной иконе...

Следствие в какой-то момент зашло в тупик. Помог случай.

Ключарю курского Знаменского собора отцу Адриану позвонил мужчина, говоривший с кавказским акцентом: «Я могу вернуть Чудотворную икону, сколько вы готовы за нее заплатить?» Священнослужитель ответил, что он цену называть не вправе, но коль звонящий предлагает икону, он должен и сумму назвать. Кавказец застращался, долго препирался с ключарем, потом заявил: «Вы подумайте о цене, а я завтра перезвоню», но так и не позвонил. Но оперативникам хватило и одного звонка «Симоняна» Ирициана. Понадобилось лишь некоторое время, чтобы с помощью сотового оператора установить его местонахождение. А проживал он в поселке Загорянский Московской области, у друзей детства, которых случайно встретил в Москве.

Иначе как чудом происшедшее назвать нельзя. Судите сами. Ведь к этому времени Чудотворной иконы у Ирициана уже не было. Но что-то заставило его сделать этот звонок. Забегая вперед, скажу, что на допросах грабитель будет

утверждать, что собирался вернуть икону безвозмездно.

11 июня, увидев на пороге загорянской квартиры курских оперативников, Ирициан не поверил своим глазам – он был уверен, что его никогда не найдут. Задержанный признался, что сдал Чудотворную икону в Москве в один из арбатских антикварных магазинов по паспорту Симоняна. За икону (стоимость которой не менее 180 тысяч долларов) он хотел получить 3000 долларов, но дали ему лишь 1700, которые он сразу и проиграл.

Чудотворную Курскую Коренную икону Знамения Божьей Матери столичные оперативники изъяли из сейфа магазина. Его директор объяснил, что «Симонян» выдавал икону за семейную реликвию, вывезенную с Украины. Понимая ценность иконы, директор мечтал на ней хорошо заработать.

21 июня 2006 года министр МВД РФ Рашид Нурагиев в торжественной обстановке передал Чудотворную икону патриарху Алексию II. А 23 июня при неизвестном стечении народа крестный ход с Чудотворной иконой двинулся от Знаменского собора к Коренной пустыни.

«Расторвившееся» золото

Следственно-оперативная группа выяснила, что у Ирициана есть жена и двое малолетних детей – они проживают в Петербурге. Имея высшее финансово-экономическое образование, Жирайр Александрович постоянно нигде не работал. Зарабатывал, делая ставки на тотализаторе.

Свою вину в краже икон Ирициан признал сразу. В Курске он сильно проигрался и решился на кражу. Однако утверждал, что в первую очередь его интересовали золотые украшения, находившиеся в киоте курской иконы Божьей Матери. Но так как быстро снять такое количество мелких изделий было невозможно, пришлось забрать их вместе с иконой. О том, что она Чудотворная, Ирициан якобы не знал.

Из предметов, похищенных в соборе, на квартире в Загорянском обнаружили лишь кадило да табличку с надписью от Чудотворной иконы. По признанию Ирициана, три иконы он подарил в электрическим священнику из Иваново (видно, тяжело было нести); еще одну продал в Москве незнакомому перекупщику за 300 долларов.

Следователей интересовала судьба украденных драгоценностей, которые, по свидетельству священнослужителей, весили приблизительно граммов 700–800.

Ирициан рассказал, что одно кольцо продал в Курске водителю маршрутного такси, подвозившему его на вокзал; другое заложил в Туле в ломбард за 700 рублей. Из Тулы добрался до Подольска, где продал перекупщику еще одно кольцо за 900 рублей. Остальные золотые украшения тут же в Подольске у него якобы отобрали сотрудники милиции. Ирициан подробно описал их внешность, место, где они дежурили, указал звания. Однако выехавшие в Подольск курские оперативники при самом тщательном розыске никаких следов описанных милиционеров не обнаружили.

По одной из версий, Ирициан все-таки припрятал золотишко. На квартире в Загорянском нашли залоговый билет одного из ломбардов Владимира. Уже после «ограбления» подольскими милиционерами Ирициан сдал в ломбард золотой крест и такую же массивную цепочку.

Ленинский районный суд Курска приговорил Жирайра Александровича Ирициана к 7,5 года лишения свободы. Областной суд оставил приговор без изменения.

Священнослужители, обрадованные возвращением Чудотворной иконы, об утрате золотых украшений не сильно скорбели. К тому же, по свидетельству монастырского эконома, поднесенные прихожанами украшения никогда никто не пересчитывал, не описывал и не оценивал, их просто вывешивали в киоте...

Охотник за ведьмами

70 ЛЕТ НАЗАД МИР УЗНАЛ ИМЯ ДЖОЗЕФА МАККАРТИ. НЕПРИМЕТНЫЙ ДОСЕЛЕ СЕНATOR РАЗВЕРНУЛ В США ОХОТУ НА КОММУНИСТОВ И ИХ «ПОПУТЧИКОВ», ОКОПАВШИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ. С ТЕХ ПОР ЕГО ИМЯ СТАЛО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ ОБОЗНАЧЕНИЕМ БЕССТЫДНОГО ДЕМАГОГА, СПЕКУЛИРУЮЩЕГО НАСТРОЕНИЯМИ ОБЩЕСТВА, А ПРОИЗВОДНОЕ ОТ ЭТОГО ИМЕНИ ПОНЯТИЕ «МАККАРТИЗМ» – СИНОНИМОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАВЛИ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2010 года

Джозеф Маккарти родился в 1908 году в семье католиков-ирландцев – кроме него, у них было еще шестеро детей – и вырос на семейной ферме близ города Эплтон в штате Висконсин. Сельская школа-восьмилетка, в которой он учился, располагала всего одной классной комнатой для учеников всех возрастов. В девятый класс Джо не пошел: надо было помогать родителям.

В 15 лет Джо сообразил, что к чему, и завел собственное дело – куриную ферму. Бизнес пошел бойко. Он сам, еще не имея по возрасту водительских прав, возил яйца и бройлеров на рынок в Чикаго. Его куриное поголовье достигло восьми тысяч особей, но тут он свалился с воспалением легких, и все куры в его отсутствие погибли.

18-летний Джо нашел работу менеджера бакалейного магазина, но спустя три года понял, что без образования это верх карьеры. Маккарти вернулся за школьную парту – ему шел уже 22-й год, а его одноклассникам было по 13–14.

Положение великовозрастного недоросля было обидным, и Джо принял решение закончить экстерном четыре старших класса за год. Благодаря упорному труду и врожденным способностям ему это удалось. Он поступил в Университет Маркетта – частное учебное заведение, основанное французскими миссионерами-иезуитами. В свободное время он подрабатывал на бензозаправке, продавцом, коммивояжером.

Годы были трудные – в стране свирепствовала Великая депрессия. Сегодня уже трудно представить себе всю глубину разразившегося бедствия. По дорогам Америки бродили голодные люди в тряпье, готовые работать за еду и ночлег, но работы не было. В городах к хлебным лавкам выстраивались бесконечные очереди. В парках и на пустырях выросли поселки лачуг из фанеры и жести...

В 1935 году Джозеф Маккарти получил лицензию адвоката и стал частнопрактикующим юристом. В 1936-м он впервые попытал счастья на выборах – выставил свою кандидатуру на должность окружного прокурора, но проиграл. Спустя три года добился успеха – стал окружным судьей. По партийной принадлежности

он был тогда демократом. Существенным приварком к жалованью судьи была игра в карты.

Как судья, Джозеф Маккарти не подлежал призыву на военную службу. Но вскоре после того, как США вступили в войну, он пошел воевать добровольцем. Служил в Корпусе морской пехоты, в эскадрилье бомбардировщиков на Тихом океане, правда, в нелетном составе. В дальнейшем в его послужном списке обнаружились неточности и приписки. Так, например, Маккарти выдавал за боевое ранение свою хромоту; выяснилось, что ногу он повредил при несчастном случае, не имевшем отношения к боевым действиям. Преувеличил он и количество боевых вылетов, в которых участвовал в качестве офицера разведки, причем в разные годы называл разную цифру, всякий раз ее повышая.

Пепсильтный малыш

В апреле 1944 года, еще находясь на военной службе, Маккарти решил попытать счастья на выборах в Сенат от Республиканской партии. Он, однако, недооценил популярность соперника

и переоценил свой имидж фронтовика. И проиграл.

Демобилизовался в звании капитана и с медалью «За заслуги» на груди. Вернулся на остававшееся за ним прежнее судейское место. А в 1946 году решил снова принять участие в сенатских выборах.

На праймериз его соперником был Роберт Лафоллет – потомок знаменитой политической династии, уже трижды избиравшийся в Сенат. Лафоллет считал, что место сенатора у него в кармане, не вел предвыборную кампанию и вообще не появлялся в штате. Джозеф Маккарти, наоборот, исколесил весь Висконсин, не избегая и самых малых городишек, носил на публике полевую форму морского пехотинца, много и охотно общался с простым народом и поражал всех своей феноменальной памятью на имена и лица.

Он выиграл не только первичные, но и всеобщие выборы. В свои 38 лет Маккарти стал самым молодым в то время сенатором США.

Это была головокружительная карьера. Сенаторов всего сто человек на страну, и от них реально многое зависит. Но и в Сенате есть свои заднескамеечники. Среди них и оказался Джозеф Маккарти.

В политическом отношении он принадлежал к кругу умеренных республиканцев. В конфликте труда и капитала неизменно сочувствовал последнему. Выступал за отмену контроля над ценами, введенного в военное время. Как представитель сахаропроизводящего штата Маккарти поддержал возвращение отрасли к рыночным принципам. Эта мера ущемляла интересы домохозяек Новой Англии, привыкших закупать сахар для варенья по сходной цене. Пред-

седатель банковского комитета сенатор от Нью-Гэмпшира Чарльз Тоби внес поправку, предусматривающую частичное рационирование сахара по заниженной цене – по 35 фунтов в год на семью. Маккарти вступил в остройную полемику с ним и одержал победу.

Но его торжество было недолгим. Отмена рационирования была выгодна производителям сладких безалкогольных напитков, которые могли теперь значительно увеличить объем своей продукции. Газетчики докопались, что Маккарти состоял в дружеских отношениях с президентом компании Pepsi-Cola Уолтером Маком. Один из руководителей компании выписал на имя Маккарти вексель на 20 тысяч долларов, который был использован сенатором в качестве обеспечения банковского займа. Получалось, его поддержка была небескорыстна. И хотя Маккарти вексель вернулся, за ним надолго закрепилось прозвище «пепси-кольный малыш».

В 1948 году демократы вернули себе контроль над обеими палатами Конгресса, и новый председатель банковского комитета исключил Маккарти из его состава. Маккарти смог получить лишь место члена во второстепенном комитете по делам округа Колумбия – «сибирской ссылке», как называли его сами сенаторы. Оставалось ждать и искать случая проявить себя.

Резьбу сорвало

Случай представился в феврале 1949 года. В американском либеральном журнале *Progressive* Маккарти прочел статью о том, что при допросах лиц, обвиняемых в военных преступлениях, американские военные следователи применяют недозволенные методы. Речь шла о виновниках так называемой бойни при Мальмеди – расстреле американских военнопленных во время последнего крупного наступления немецких войск, Арденнского прорыва, или Битвы за Выступ, как называет этот эпизод англо-американская историография.

В силу исторических причин этническое большинство в штате Висконсин составляют выходцы из Германии. Немкой была бабка Маккарти. Надеясь укрепить таким образом свои электоральные позиции, он еще в ноябре 1945 года выступил против использования «рабского труда» немецких военнопленных в восстановлении Европы. Маккарти утверждал, в частности, что во Франции около ста тысяч «белых рабов» медленно умирают от недоедания, и возмущался требованием Польши направить дополнительно 50 тысяч военнопленных для восстановления угольных шахт Силезии. Заявления сенатора встретили благоприятную реакцию некоторых промышленников Висконсина, которые симпатизировали национал-социализму и финансировали избирательную кампанию Маккарти.

Бойня при Мальмеди – самое серьезное преступление, совершенное против американских военнопленных в Европе. В инциденте участвовал авангард 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт» СС

Адольф Гитлер» под командованием штандартенфюрера Иоахима Пайпера. 17 декабря 1944 года группа из трех немецких танков и трех бронетранспортеров столкнулась на перекрестке близ бельгийского городка Мальмеди с американской автоколонной и обстреляла ее. Для американцев немецкий прорыв был полной неожиданностью, к тому же силы были явно неравны. Американцы сдались. Что произошло дальше, не вполне понятно. По версии обвиняемых, пленные стали разбегаться, и охрана открыла огонь. Месяц спустя, когда немецкое наступление было отражено и американские войска вернулись в Бельгию, на поляне нашли 72 трупа. Около 30 пленных бежали, 50 пропали без вести. Эти цифры варьируют от источника к источнику. Большинство жертв было убито выстрелом в голову, что противоречит версии попытки к бегству.

После войны виновные в расстреле пленных предстали перед одним из «судов Дааха» – открытых судебных процессов, проведенных американцами на территории бывшего лагеря смерти. В общей сложности подсудимых было 73 человека. Из них 43-х приговорили к смертной казни через повешение, 22 – к пожизненному заключению и еще 8 – к более мягким тюремным срокам (20, 15 и 10 лет).

Сразу же после оглашения приговора главный адвокат осужденных полковник Виллис Эверетт поднял вопрос о недопустимых методах, с помощью которых от обвиняемых были получены признательные показания. Глава американской оккупационной администрации в Германии генерал Люсиус Клей распорядился провести проверку утверждений Эверетта. Осужденные дали письменные показания об избиениях и запугиваниях,

с помощью которых американские военные следователи добивались от них нужных показаний. В конечном счете генерал Клей отменил смертные приговоры и смягчил другие.

Сенат взялся за это дело уже после вмешательства генерала Клея. Подкомитет по расследованиям Комитета по делам Вооруженных сил начал публичные слушания в марте 1949 года. Джозеф Маккарти не был членом комитета, но получил специальное разрешение его председателя на участие в заседаниях. Сенатор в полной мере воспользовался этой возможностью. На этих слушаниях он впервые продемонстрировал свой специфический дар: угрожал свидетелям, выпячивал выгодные ему факты и замалчивал невыгодные. В качестве одного из козырей он использовал то обстоятельство, что среди следователей были евреи. Особенный гнев сенатора навлек на себя Уильям Перл, обвинявшийся в особо жестоком обращении с подследственными. Перл все отрицал, и Маккарти потребовал подвергнуть его испытанию на полиграфе (детекторе лжи). Такого в практике Сената еще не было.

Сенатское расследование завершилось сокрушительным поражением Маккарти. В сентябре 1949 года члены подкомитета вместе с врачами отправились в Мюнхен и провели медицинский осмотр 59 осужденных по делу Мальмеди. Показания о причиненных им следователями травмах иувечьях не подтвердились.

Дело о бойне в Мальмеди не принесло Джозефу Маккарти славы, к которой он стремился, но снискало ему репутацию loose cannon – «пушки, сорвавшейся с лафета», то есть человека безответственно го и опасного, от которого можно ждать чего угодно. Его избрание на второй срок

Джозеф Маккарти раздает автографы студентам (слева) и выступает на слушаниях в Сенате (справа). Внизу: поиски тел американских солдат, расстрелянных из немецких танков в 1944 году в Бельгии

в 1952 году считалось маловероятным. Но бурный темперамент и упрямый характер не позволяли Маккарти смириться с судьбой. Он нашел-таки применение своей неуемной энергии. Его новым проектом стала борьба с советской агентурой в американском государственном аппарате.

Засучив рукава

Сегодня имя сенатора Маккарти у многих ассоциируется с Комитетом нижней палаты Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, преследованием людей левых убеждений, «голливудской десяткой» и т. п. Сам Маккарти отношения ко всему этому не имеет. Однако его кампания стала концентрированным выражением того, что называется теперь «маккартизмом».

Еще в 1919 году в США разразилась так называемая Красная паника – ныне в учебниках истории она называется Первой красной паникой. Кто-то стал рассыпать по почте взрывные устройства политикам и бизнесменам. В сочетании с революциями в Европе и волной стачек и расовых мятежей в США бомбы, взрывавшиеся при вскрытии посылки, произвели на американцев зловещее впечатление приближающегося конца света. На основании законов о шпионаже и подрывной деятельности власти провели массовые аресты иммигрантов. Из 10 тысяч арестованных депортировать на законных основаниях удалось около 600 человек. Однако с тех пор иметь левые убеждения означало навлекать на себя подозрения. Коммунистическая партия США превратилась в полулегальную организацию. Люди скрывали свое членство в ней – открытые коммунисты не могли получить работу в госучреждениях. Такое положение полностью устраивало советскую разведку. В лице скрытых коммунистов она получила готовую агентурную сеть.

Сеть успешно действовала с середины 30-х по 1945 год, а в 1945-м была раскрыта в результате ряда совпавших обстоятельств. Джозеф Маккарти поспел к шапочному разбору. Тем усерднее он искоренял крамолу в правительстве, причем в беспардонной, грубой, развязной манере. Он оседал волна шпионажа, названную впоследствии Второй красной паникой.

Слово «маккартизм» появилось еще в марте 1950 года. Его придумал карикатурист газеты «Вашингтон пост» Герберт Блок. На его рисунке республиканцы пытаются затащить свой символ – слона – на шаткую башню, составленную из ведер с нечистотами. На вершине башни стоит наполненная до краев бочка с надписью «Маккартизм». Слон упирается и спрашивает: «Вы считаете, я смогу устоять на

► «этом?» Самому Маккарти слово понравилось. Он сказал так: «Маккартизм – это американцы с засученными рукавами». В Америке «играть, засучив рукава» означает играть по-честному, в открытую – в отличие от шулера, который прячет карты под манжетами.

Но в том-то и дело, что игра Маккарти была нечестной, а уловки шулерскими.

9 февраля 1950 года он выступил в городе Уиллинг, Западная Виргиния, с речью в женском клубе. Это было традиционное мероприятие Республиканской партии, приуроченное к дню рождения Линкольна. Маккарти воспользовался трибуной, чтобы возвестить на всю Америку: Государственный департамент США кишит советскими шпионами, а начальство потворствует их деятельности.

Сенатор потрясал при этом списком тайных коммунистов в Госдепе: их имена будто бы хорошо известны бывшему госсекретарю Джеймсу Бирнсу и «тем не менее, они продолжают определять политику Госдепартамента». Аудиозапись речи не сохранилась, а в ее изложениях есть разнотечения: в одном случае коммунистов 208, в другом – 57. В дальнейшем сенатор называл и другие цифры, но полный список так никогда и не предъявил.

Острие стрелы, пущенной сенатором, метило не только в Бирнса, но и в президента Гарри Трумена, который обычно отмахивался от сообщений о шпионах в правительстве.

Их Вышинский

Поначалу демократам легко удалось нейтрализовать насок. По праву парламентского большинства они, как бы откликаясь на сигнал Маккарти, быстро организовали публичные слушания в сенатском Комитете по международным отношениям. Маккарти получил персональное приглашение. Организаторы слушаний надеялись дискредитировать его в глазах широкой публики. Маккарти и впрямь явил себя во всей красе. Нехватку доказательств он компенсировал пышной риторикой, псевдопатриотическим краснобайством и обличительным пафосом. В итоге комитет пришел к выводу, что обвинения сенатора не имеют под собой оснований, что в Госдепартаменте нет ни коммунистов, ни сочувствующих им, и что проверка персонала на лояльность представлена в ведомстве должным образом.

Но Джозеф Маккарти на этом не успокоился. Он продолжал выступать с громогласными филиппиками, а в 1952 году принял активное участие в президентской кампании кандидата республиканцев Дуайта Эйзенхауэра. От демократов кандидатом был Эдлай Стивенсон – видный политик, некоторое время работавший в Госдепартаменте и знавший высокопоставленного дипломата Олддера Хисса, который обвинялся в шпионаже, но в связи с истечением срока давности его осудили лишь за лжесвидетельство. Стивенсон выступал свидетелем на процессе Хисса. Для Маккарти это был подарок судьбы. Он обрушился на Стивенсона всей своей мощью.

«Посмотрим теперь, что сказал Стивенсон два дня назад в Кливленде, когда он пытался оправдать свою защиту Хисса, этого архипредателя всех времен, – венчал Маккарти в телеобращении к американцам. – Цитирую: «Я сказал, что он пользовался хорошей репутацией. Я не говорил, что его репутация была отличной». И этот человек хочет быть нашим президентом! Лояльность Соединенным Штатам не имеет оттенков! Можно быть либо лояльным, либо нет! Не бывает «слегка нелояльного» гражданина или «отчасти предателя».

Это было то, что в американской юриспруденции называется «виновность по ассоциации»: дружил со шпионом – значит, сам шпион. Маккарти не замечал, а может быть, и не подозревал, что использует излюбленный прием сталинского правосудия, объяснявшего все политические разногласия и ошибки руководства поисками врагов, скрытых вредителей, действующих по указке буржуазных разведок. Сенатор Маккарти оказался зеркальным отражением главного прокурора открытых московских процессов Андрея Вышинского. Разница, однако, в том, что инсинуации Маккарти

Маккарти со своей женой Джин и пятинедельной Тирни Элизабет сразу после ее удочерения

не имели практически никаких правовых последствий.

Многим однопартийцам повадки Маккарти не нравились. Но Республиканская партия рвала к власти, у которой она не была уже 20 лет. И сенатора терпели. Не в последнюю очередь благодаря ему республиканцы не только выиграли президентские выборы 1952 года, но и получили контроль над обеими палатами Конгресса. Был переизбран на второй срок и Маккарти.

Закат

Теперь он мог, наконец, развернуться. В качестве председателя Комитета по делам правительства он учил новое расследование. После центрального аппарата Госдепартамента взялся за «Голос Америки», затем за библиотеки американских информационных центров за рубежом: в их каталогах обнаружилась подрывная литература, написанная «коммунистами и их попутчиками». Госсекретарь Джон Даллес проявил в этом вопросе слабость – распорядился изъять подозрительные книги, хотя именно их наличие в финансированных государством библиотеках было лучшим свидетельством в пользу американской свободы. После библиотек пришел черед вооруженных сил...

В 2003–2004 годах были рассекречены протоколы закрытых заседаний комитета Маккарти. Выяснилось, что на этих заседаниях происходил отбор свидетелей – невыгодные на открытые слушания не вызывались, а с выгодными проводилась подготовительная работа, фактически репетиции, разучивание роли наизусть. Методы Маккарти были настолько одиозны, что члены его комитета из брезгливиости не являлись на слушания и председатель зачастую восседал в полном одиночестве.

Жертвами сенатора Маккарти стали не только чиновники, но и интеллигенция – композитор Аарон Копленд, поэт Лэнгстон Хьюз... Но на журналисте Эдварде Мурроу Маккарти обломал себе зубы.

Конфликт Маккарти и Эда Мурроу стал сюжетом фильма Джорджа Клуни «Доброй ночи и удачи», вышедшем на экраны чуть лет назад. Это фактически документальный портрет сенатора.

В марте 1954 года обозреватель CBS Мурроу, который прославился как военный корреспондент, сделал программу о

Корреспондент CBS News Эдвард Мурроу, подготовивший программу о бесчинствах Маккарти

бесчинствах Маккарти. Сенатор потребовал эфира для ответа. Эфирное время ему было предоставлено. Вместо ответа на обвинения в нарушении гражданских прав Маккарти прочел лекцию о мировом коммунизме, и в следующей программе Мурроу снова взял слово.

«Я не нуждаюсь в лекциях начинающего сенатора от Висконсина об угрозе или терроре, исходящих от коммунизма, – сказал Мурроу. – Я наблюдал своими глазами происки агрессивных сил в Западной Европе, мои друзья в Восточной Европе подверглись расправе и были изгнаны. В 1943 году я сообщил из Лондона о том, что русские несут ответственность за массовое убийство в Катыни. Я рассказывал о том, что русские отказались предоставить свои аэродромы самолетам союзников для снабжения восставших в Варшаве, и за эти сообщения подвергся угрозам в передачах московского радио. После всего этого я не думаю, что мне требуются объяснения сенатора, в чем состоит зло коммунизма».

На этом звезда Джозефа Маккарти затянулась, хотя сам он еще долго этого

не сознавал. В декабре 1954 года Сенат вынес ему порицание за недопустимые методы – это был всего четвертый случай за всю историю верхней палаты. Его политическая карьера была бесповоротно разрушена.

В начале второго срока в качестве сенатора Маккарти решил устроить личную жизнь. Он женился на сотруднице своего аппарата Джин Кэрр. Среди 900 гостей на свадьбе присутствовали Ричард Никсон и Джозеф Кеннеди, старый друг и спонсор Маккарти (вследствие этих тесных связей Джон Кеннеди, бывший сенатором одновременно с Маккарти, никогда его не критиковал, а Роберт Кеннеди работал в его комитете). В январе 1957 года бездетная пара удочерила девочку.

Но сенатору ребенок радости не принес. Подвергнутый острокритику, он тяжело переживал свой крах и быстро спивался. Посещавшие его в последний период жизни рассказывают, что он часами в полном одиночестве сидел у камина со стаканом в руке, устремив на огонь тоскликий взор. Джозеф Маккарти скончался 2 мая 1957 года от цирроза печени в возрасте 48 лет.

Ирония истории заключается в том, что впоследствии, когда были рассекречены материалы контрразведки, выяснилось: многие подозрения Маккарти были справедливы. Он не мог доказать свои инвективы, но такими доказательствами располагало правительство. Однако оно не могло и не хотело предъявлять в суде оперативные данные ФБР – именно по этой причине большинство советских агентов в США избежали наказания. Своими мнимыми разоблачениями Джозеф Маккарти скорее сыграл на руку Сталину – он расколол антикоммунистический консенсус, сложившийся в США после войны.

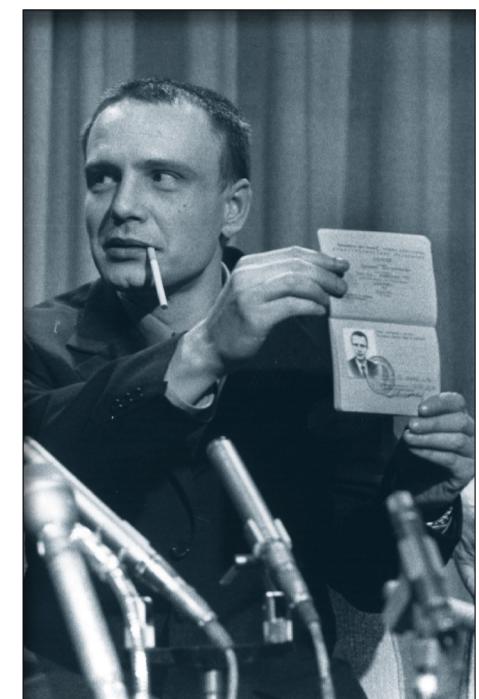
Хвалить Маккарти в Америке по сей день считается неприличным, хотя втихомолку многие знатоки вопроса соглашаются: он напугал американцев на поколения вперед, советская разведка так и не смогла восстановить свои позиции в Новом Свете. Другая его невольная заслуга в том, что маккартизм стал прививкой против травли политических противников под лозунгами патриотизма и антикоммунизма. Ничего подобного в американской истории больше не повторялось.

Вашингтон

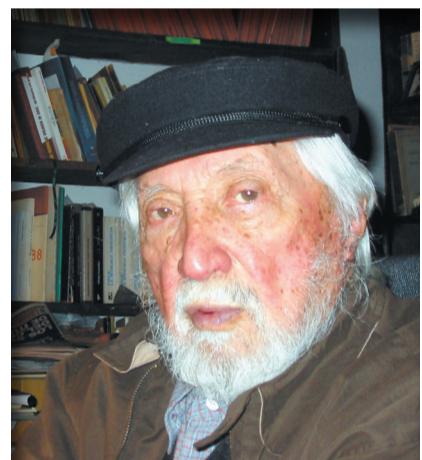
Обменяли Корвалана...

1977 год. Луис Корвалану вручается Международная Ленинская премия

Владимир Буковский в 1976 году (вверху) и в 2007-м при получении нового российского паспорта (внизу)

ИСТОРИЯ С ОБМЕНОМ ЛУИСА КОРВАЛАНА НА ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО, КАЗАЛОСЬ, ДАВНО И ХОРОШО ИЗВЕСТНА. СЧИТАЕТСЯ, ЧТО С ЭТОЙ ИНИЦИАТИВОЙ ВЫСТАУПИЛ В 1976 ГОДУ АКАДЕМИК АНДРЕЙ САХАРОВ. ОДНАКО В РАСПОРЯЖЕНИИ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ОКАЗАЛОСЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ СОБЫТИЯ РАЗВИВАЛИСЬ ИНАЧЕ

Луис КОРВАЛАН – чилийский политический деятель, с 1958-го по 1989 год – Генеральный секретарь Компартии Чили. После переворота, совершенного генералом Пиночетом 11 сентября 1973 года, Корвалан был арестован и превратился в одну из самых знаменитых, знаковых фигур эпохи.

В годы диктатуры потерял сына. Борьба за его освобождение длилась три года, и наконец в декабре 1976-го он был освобожден: обменян на советского политического диссидента Владимира Буковского. В 1976–1983 годах жил в Москве. В 1983 году, изменив внешность в результате трех пластических операций, сделанных в московской Центральной клинической больнице, под чужим именем нелегально вернулся в Чили и до 1989 года, пока Пиночет пребывал у власти, работал в подполье. В мае 1989 года Корвалан оставил пост Генерального секретаря КПЧ. До конца жизни оставался убежденным коммунистом. Умер на 94-м году жизни, 21 июля 2010 года, в Сантьяго-де-Чили.

■ Тимур ДМИТРИЧЕВ

Публикация 2010 года

В 1975 году в Нью-Йорке на сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу его председатель устроил прием для участников форума и сотрудников Секретариата. Среди приглашенных был и я, советский дипломат, в ту пору работавший в Секретариате ООН.

На таких приемах обычно общаются уже сложившимися небольшими группами или один на один. Но среди делегатов на каждой сессии появляются новички, заменившие отбывших коллег. Одним из таких новичков в 1975 году оказался юрист из МИДа Чили. В какой-то момент

на приеме он подошел ко мне, держа в руках бокал вина и повестку дня сессии нашего подкомитета. Мы представились друг другу. Оглядываясь по сторонам, чилиец показал мне повестку с просьбой уточнить один технический вопрос. А после того как я дал ему разъяснения, спросил, действительно ли я из Советского Союза. Я подтвердил. Тогда, снова оглянувшись и делая вид, будто мы продолжаем обсуждать документ, чилиец сказал, что хочет переговорить со мной наедине по одному очень важному вопросу. И добавил, что для него это небезопасно, потому что за ним могут следить.

Меня удивила просьба дипломата, приехавшего из Министерства иностранных дел кровавого режима Пиночета. Видя, что он хочет поскорее отойти от меня, я спросил, где он предпочел бы встретиться. Чилиец ответил, что вне ООН наша встреча невозможна, а с помещениями Секретариата он пока не освоился и поэтому вернется к этому вопросу позже.

Прошло несколько дней. Мы регулярно виделись в ходе заседаний, но друг к другу не подходили. Понимая его деликатное положение, я оставил инициативу в нашем общении за ним. Примерно через неделю после нашего разговора, перед началом очередного заседания, когда в зале было еще немногих людей, а я находился один за столом президиума, чилийский представитель подошел ко мне.

Показывая через стол несколько рабочих документов, он спросил, не мог ли я встретиться с ним на следующее утро за полчаса до заседания в кафетерии для сотрудников. Получив утвердительный ответ, чилиец отошел на свое место.

На следующий день в кафетерии, прия минут на десять раньше установленного времени, я взял чашку кофе и в поисках подходящего места прошелся по залу. К своему удивлению за одним из столиков в углу я заметил уже сидевшего там спиной к залу чилийца. Перед ним лежала пачка документов нашего комитета, над которыми он работал. Сделав вид, что мы

встретились случайно, я спросил, могу ли я присесть с ним. Он придинул к себе разложенные листы, освобождая место.

Оглянувшись вокруг, чилийский представитель сразу перешел к главному предмету разговора. Понизив голос, он сказал, что речь идет о Луисе Корвалане, который со временем путча находился в тюрьме. Учитывая мировые протесты, продолжал чилийский дипломат, содержание в тюрьме такой крупной фигуры, как Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили, становится пропагандистским оружием, действующим против новой власти. Пиночет, по словам моего собеседника, решил избавиться от Корвалана. Но поскольку в Сантьяго Корвалана считают, как выразился чилиец, «большой рыбой», там полагают, что за него надо получить приличную цену. По мнению руководителей диктатуры, за этим лучше всего было обратиться к правительству СССР. Речь шла об обмене Корвалана на одного из советских диссидентов, среди них в первую очередь называли Владимира Буковского, о котором в то время много говорили и писали на Западе.

По сообщению дипломата, эту конфиденциальную информацию он получил перед самым своим вылетом из Сантьяго от компетентных людей, которые хотели бы довести ее до советских властей. Он также сказал, что из-за боязни слежки со стороны режима Пиночета и под страхом расправы с каждым, кто вступает в контакт с представителями социалистических стран, он решил передать эти сведения не через советских делегатов, а через меня как международного сотрудника Секретариата, с которым у него могло быть общение по рабочим делам.

На этом мы и расстались. Я направился в зал заседаний, а чилийский дипломат снова углубился в рабочие бумаги. Сам он пришел на заседание с некоторым опозданием. Во время перерыва я направился в наше представительство, где встретился с заместителем посла, курировавшим правовые вопросы. Когда я

рассказал ему о случившемся, он предложил подготовить проект телеграммы для отправки в МИД. Я выполнил это поручение, а когда представилась возможность пройти мимо чилийского делегата, просто сказал, приветствуя его, что все в порядке. Он быстро поблагодарил, и больше мы с ним не общались.

Не знаю, что стало с этим дипломатом после его возвращения в Сантьяго, как не знаю наверняка, действовал ли он от имени тех, кого называли товарищами, или по поручению режима Пиночета. Мне доподлинно неизвестно, в какой мере переданные через меня сведения были использованы (если были использованы вообще) для обмена Луиса Корвалана на Буковского. Но обмен действительно произошел несколько месяцев спустя в Швейцарии: Корвалан был освобожден из тюрьмы и выслан из Чили, а Буковский переехал в США.

■ Тимур Дмитриев, закончив Высшую дипломатическую академию Министерства иностранных дел СССР, во время описываемых событий работал в Юридическом департаменте международного Секретариата ООН в Нью-Йорке. Доктор исторических наук

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Покоритель двух океанов

Чарльз Линдберг в 1932 году.
Слева: его самолет «Дух Сент-Луиса» перед перелетом из Нью-Йорка в Париж

AP

AP

В 1930-Е ГОДЫ ЕГО НАЗЫВАЛИ «АМЕРИКАНЦЕМ НОМЕР ОДИН», А В СССР ЕГО ИМЯ НАДОЛГО ОКАЗАЛОСЬ ПОД ЗАПРЕТОМ. ЧАРЛЬЗА ЛИНДБЕРГА В АМЕРИКЕ ЧТАЮТ ТАК ЖЕ, КАК У НАС ГАГАРИНА. В 1927 ГОДУ ОН УСТАНОВИЛ ФАНТАТИЧЕСКИЙ ВОЗДУШНЫЙ РЕКОРД, СОВЕРШИВ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛЕТ НЬЮ-ЙОРК – ПАРИЖ. А ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА ЛИНДБЕРГ ПЕРВЫМ БЕЗ ПОСАДКИ ПЕРЕСЕК НА САМОЛЕТЕ ТИХИЙ ОКЕАН, СТАРТОВАВ В НЬЮ-ЙОРКЕ И ПРИЗЕМЛИВШИСЬ НА КАМЧАТКЕ

■ Олег Дзюба

Публикация 2010 года

До этих перелетов Линдберга даже в его отчестве знали немногие. Он подрабатывал скромным воздушным извозчиком и почтальоном, и в начале карьеры ему приходилось летать бог весть на чем. Когда он надумал купить подержанный итальянский самолет, его предупредили, что коровы объели на нем обтяжку рулевого управления. «Очевидно, — писал Линдберг в мемуарах, — коровы и мулы питают к полотняной самолетной обтяжке особенную любовь». Однако биплан оказался в еще более жутком состоянии, чем его описывали. Машине требовался новый руль, кроме того, на несущих поверхностях были сорваны петли элеронов, в радиаторе зияли дыры, которые прежний владелец пытался замазать отрубями, мотор работал с перебоями. Но Линдберг взлетел на нем, надеясь дотянуть до городка Линкольн, где можно было произвести ремонт. Минут через пятнадцать после взлета разорвало радиатор. Пришлось планировать на скошенное поле. Там на счастье оказался владелец самолета, который на волах отбуксировал его к ферме. Аппарат разобрали и по частям перевезли в мастерскую.

В другой раз Линдберг вместе с компаньоном запутал в небе и был вынужден приземлиться на овечьем кладбище. Подняться вдвоем не удавалось, и Линдберг в одиночку перелетел в городок Кэмп-Буд, где сел на рыночную площадь. Взлетать оттуда можно было только при выгодном ветре, а присоединившийся к Линдбергу приятеля ни за что не хотел пропустить городской танцевальный вечер. В итоге ветер упустили, и пришлось идти на взлет по улице, на которой рас-

Толпа окружила самолет «Дух Сент-Луиса» после успешного завершения Линдбергом первого беспосадочного трансатлантического перелета и приземления в окрестностях Парижа

стояние между столбами всего на полметра превышало размах крыльев. Но и до столбов докатить не удалось, так как машина тормознула на ухабе, развернулась и вломилась в магазин хозяйственных товаров. Владельцы, правда, не стали требовать плату за убытки, посчитав, что выгода от такой «рекламы» перевесит нанесенный ущерб.

Как-то после полета к Линдбергу подошла почтенная негритянка и спросила, за сколько долларов он поднимет ее в небо и там оставит? Она, видимо, не понимала, как недалека от истины: в те времена

каждый отрыв от земли мог обернуться переселением на небо, ибо несовершенство техники дополнялось пренебрежением элементарными правилами безопасности. Ну кто в наши дни собирается к облакам с худым бензобаком? А Линдберга подобные «мелочи» не смущали. Он мог отправиться в полет вдоль Мексиканского залива, хотя «в задней стенке нашего бензинового бака была маленькая трещина, доходившая почти до середины, и когда просачивание сквозь нее бензина прекращалось, мы знали, что бак наполовину опустел».

Но проходя сквозь эти приключения, Чарльз постепенно превращался в аса и даже стал членом «клуба гусениц», как называли летчиков, которым хоть раз пришлось покинуть аварийный самолет на парашюте. Странное название объяснялось тем, что парашюты делают из шелка, а шелк получают из коконов шелкопряда.

Из почтальонов – в герои нации

Набравшись опыта, Линдберг взялся за перевозку почты между штатом Миссури и Чикаго. Любая воздушная работа требовала мужества, но Линдберг не хотел довольствоваться рискованной, но все же будничной деятельностью авиа-почтальона. Заветной мечтой авиаторов в те годы был полет над Атлантикой. Англичане Джон Алькок и Артур Браун в 1919 году перелетели с Ньюфаундленда в Ирландию – но все же не на материк. Газеты пестрели сообщениями о попытках пересечь океан по воздуху. Американский миллионер Раймон Ортег учредил солидный денежный приз для первого авиатора, который соединит воздушным мостом Нью-Йорк и Париж.

«Дженни», как именовал Линдберг свой самолет, для сверх дальних воздушных бросков не годилась. А конструкторы и предприниматели отказывались продавать «простому почтальону» машину, пригодную для трансатлантического перелета. Наконец, в Сан-Диего нашлась фирма, рискнувшая доверить свою репутацию неизвестному пилоту. Машина получила имя Spirit of St. Louis – «Дух Сент-Луиса». Хрупкое сооружение из дерева и полотна с мотором мощностью 220 лошадиных сил стоило 10 тысяч долларов. На ней утром 20 мая 1927 года Линдберг и начал полет, которому суждено было обессмертить его имя.

Похоже, его не встревожил пример двух французских летчиков, двумя неподалеку раньше пытавшихся перелететь океан с востока на запад и пропавших в Атлантике. В подшивках советского журнала «Самолет» я отыскал статистику воздушных бросков через Атлантический океан. До 1930 года (после которого этот маршрут перестал привлекать интерес первооткрывателей) было предпринято 44 попытки одолеть эту трассу. 20 старта закончились благополучно, 24 полета прервались аварийными посадками. Из 29 человек, вверивших свои жизни гидропланам, погибли четверо (некоторые выжили только после затяжных дрейфов в океане). 27 несчастливцев пытались достичь цели на 13 сухопутных самолетах. Двадцати трем из них не суждено было больше ступить на землю.

И все же для самого Линдберга триумфальная встреча в Париже стала сюрпризом. Пилоту, записавшему в перечне первоочередных дел по прибытии в столицу Франции поиски недорогой гостиницы, пришлось спасаться от ликующей толпы, а его самолет чуть не разодрали на сувениры! Двадцатипятилетний воздушный почтальон тут же стал национальным героем Америки. Конгресс США присвоил пилоту звание полковника, перескочив сразу через несколько воинских степеней. Пресса прозвала Линдберга Американцем №1, а Президент США Джон Кеннеди Кулидж специально послал за ним во Францию военный корабль.

В дни своего триумфа Линдберг оказался в мастерской скульптора Сергея Коненкова, жившего тогда в Нью-Йорке. «Я изваял Линдберга — человека с крыльями за спиной, — вспоминал скульптор на склоне лет. — Статую установили в витрине фешенебельного магазина Уолмана на 5-й авеню — чисто американский жест...»

И дальнейшая судьба Линдберга, как выражается Коненков, чисто американская. Он женился на дочери американского посла в Мексике, страстью мечтавшей подняться в воздух. Вскоре они вместе осуществили целый ряд сложных рискованных перелетов. Первый из них занес чету Линдбергов на Камчатку.

Первый беспосадочный

Рекордные воздушные маршруты все чаще в то время прокладывались над территорией СССР. «Железный занавес» еще не опустился, и заявки на перелеты, поступавшие в Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, как правило, не отклонялись. «Воздушное пространство и гостеприимство Союза были открыты всем, пожелавшим воспользоваться ими», — писал советский журнал «Вестник воздушного флота», — в распоряжение гостей предоставлены все средства связи, метеорологического обслуживания, обеспечения горючим». Правда, иной раз залетали к нам и «предшественники» Пауэрса и Руста. Французы Кост и Беллон, например, отправились в 1929 году в перелет из Парижа в Иркутск. Несмотря на запрет пролета над районами дислокации Особой Дальневосточной армии, они прошли над закрытой зоной и приземлились в Маньчжурии. Вернувшись на родину, Кост заявил, что и не собирался прерывать рейд в Иркутске, намереваясь лететь, пока хватит бензина и сил.

К дате старта Линдбергов из Нью-Йорка Тихий океан уже был покорен советскими летчиками. В 1929 году через него перелетел экипаж туполовского самолета «АНТ-4». «Страна Советов» во главе с известным в ту пору пилотом Семеном Шестаковым. «АНТ-4» оставил под крыльями около 20 тысяч километров. После Москвы была сделана посадка в Новосибирске, потом в Хабаровске, где колеса поменяли на поплавки. После этого курс снова был взят на Америку с остановками в Петропавловске-Камчатском, на Алеутских островах, в Сиэтле, Детройте и, наконец, в Нью-Йорке.

Официальной целью перелета была демонстрация возможностей советской воздушной техники, но была и другая. «Нью-Йорк Дейли Уорлд» писала после завершения эпопеи «Страны Советов»: «Советский самолет установил первый

официальный контакт между США и СССР». Дипломатических отношений между нашими странами тогда не было, и рекордный бросок «АНТ-4» стал одним из этапов в их сближении.

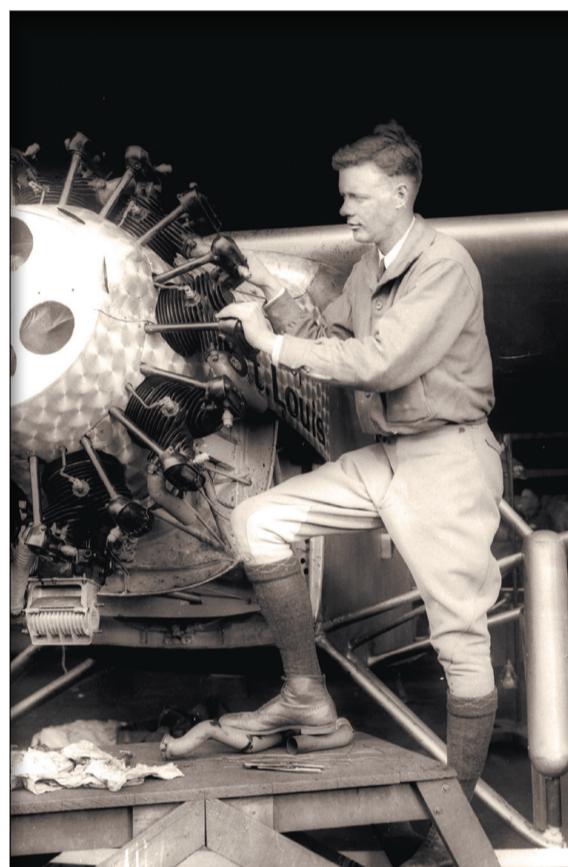
Навстречу «Стране Советов» вылетело пять нью-йоркских самолетов, а из Детройта «АНТ-4» сопровождали два трехмоторных аэроплана, принадлежавших Генри Форду. На аэродроме Кертис-Фильд собирались более 10 тысяч человек. Когда экипаж Шестакова покинул самолет и поднялся на крышу ангара, чтобы приветствовать собравшихся, в аэропорту приземлился и самолет Линдберга. На той же крыше он поздравил советских покорителей воздушных просторов.

В отличие от советских летчиков, сам Линдберг собрался пересечь север Тихого океана без посадки. Кроме того, вторую часть намеченной трассы — между

ловные сети, фальшнейеры, палатки, парашюты.

27 июля 1931 года «Сириус» взмыл над Нью-Йорком и через две недели, после нескольких посадок на озерах, приводнился в районе аляскинского города Ном. Покинули Линдберги Аляску утром 15 августа, и через 11 часов гидросамолет качали волны пролива Литке у восточного побережья Камчатки. Аэронавты различали среди сбежавшихся к берегу людей европейские лица и смуглые лица коряков. Жена Линдберга Анни попыталась заговорить по-русски: несколько фраз были записаны на нее в блокноте латинскими буквами. На удачу, в поселке оказалась женщина-зоолог, немного знавшая иностранные языки. С ней Анни смогла объясняться на смеси английских и французских слов.

В Петропавловск-Камчатский Линдберги перелетели за 4 часа 13 минут.

Слева: Чарльз Линдберг готовится к трансатлантическому перелету. Вверху: Анни Линдберг улыбается встречающим ее и мужа в городе Наталь (Бразилия), 1933 год. Внизу: чета летчиков в аэропорту Лос-Анджелеса в марте 1930 года

Камчаткой и Японией, а потом и Китаем, никто из его современников одолеть еще не успел.

После парижского триумфа уже мало кто сомневался в возможностях Линдберга. Теперь не он ищет фабрикантов аэропланов, а те сами осаждают его с предложениями осмотреть новые самолеты. Перед своим первым сенсационным перелетом в Париж пилот, стремясь предельно облегчить «Дух Сент-Луиса», снял с машины все лишнее, отказался от теплой одежды и припасов. Шестисотсильный «Локхид-Сириус» был куда выносливей, так что теперь список экспедиционного снаряжения занимал несколько страниц: револьверы, рыбо-

Приют для «Сириуса» нашли в ковше Авачинской губы. Линдбергов разместили в одном из домов неподалеку от бывшей резиденции губернатора (ныне здесь областной музей). С Камчатки они улетели в Токио, где на борт исхитрился пробраться «заяц». Японский мальчишка, проскользнув мимо охраны, спрятался в фюзеляже. Но вместо Америки, о которой он мечтал, бедолага угодил в полицию. В любом случае, Линдберги собирались взять курс на запад, так что мальчишка улетел бы не в Сан-Франциско, а в Шанхай.

В Китае азарт и отвага Чарльза привели его к тому, что он вынужден был отложить полет на Тайвань. Река Янцзы как раз вышла из берегов, и наводнение глотало

тысячи жизней обитателей равнин. Двухместный «Сириус» был подарком для китайских спасателей. Линдберг носился над акваторией грандиозного паводка, высматривая крестьян, спасавшихся на крышах своих домов, приводя в движение гидросамолеты, чтобы китайский врач, занимавший кресло второго пилота, осмотрел пострадавших и снабдил лекарствами.

До и после Пёрл-Харбора

Уже в наше время мне удалось повстречать очевидца той воздушной эпохи. В восьмидесятых годах прошлого столетия на открытие памятника Ивану Куксову, основавшему в 1812 году калифорнийскую крепость Форт-Росс, приехал в старинный город Тоттму вашигтонский профессор истории Виктор Порфириевич Петров. Сын священника из Харбина, он провел молодость в Шанхае, где сотрудничал с русской газетой. Виктор Порфириевич рассказал мне, как в октябре 1931 года редактор послал его, юного репортера, взять интервью у Чарльза Линдберга. Газету интересовали и его спасательные рейсы, и дни, проведенные в СССР.

Но увы: накануне пришла телеграмма с известием о скоропостижной смерти отца Анни, и супруги, прервав перелет, срочно отплывали в Калифорнию. Петров все же подкараулил чету летчиков у трапа лайнера. «Мистер, — крикнул он пилоту, протолкнувшись сквозь провожающих и охрану, — расскажите для русской газеты о Камчатке». Линдберг замедлил шаг, но Анни отрицательно покачала головой. Чарльз посмотрел на жену, коротко сказал «нет» — и супруги поднялись по трапу.

Оставшийся в Шанхае «Сириус» доставили морем в Америку, и в 1933 году Линдберг, приглашенный авиакомпанией «ПанАмерикэн» на должность консультанта, вместе с женой вновь пересек Атлантику. После посадки на Фарерских островах, в Копенгагене и Хельсинки он побывал в Ленинграде. 25 сентября летчик Юлиан Пионтковский на своей авиетке встретил американцев на подступах к столице и указал им трассу к посадке на Москву-реке у водного стадиона.

После этого Линдберги перебрались в Европу, так как назойливые американские репортеры не оставляли их в покое. Да что там репортеры: злоумышленник выкрадул у них малолетнего сына, требуя за него выкуп. Ребенок погиб, несмотря на то, что родители были готовы отдать любые деньги за его спасение.

Спокойствие Чарльза и Анни нашли в Германии. Вернувшись в Америку, Линдберг не раз публично высказывался против вступления США в войну и защищал «новый порядок», установленный в пользу Германии. Собственно, именно поэтому имя Линдберга долгие годы было фактически под запретом в СССР, с которым его связывал один из самых знаменитых его перелетов.

Однако, его симпатии к нацистской Германии закончились после Пёрл-Харбора. И впоследствии Линдберг принял участие в полусотне военных миссий. В 1954 году Президент США Дуайт Эйзенхauer присвоил ему звание бригадного генерала в резерве военно-воздушных сил, что окончательно реабилитировало в глазах соотечественников и всего мира знаменитого пилота, подпортившего свою репутацию одобрительными высказываниями о гитлеровской Германии. Умер Линдберг в 1974 году на Гавайях. Два самолета, на которых он совершил свои знаменитые полеты, теперь хранятся в музее.

Пожелавший от времени фотоснимок, поступивший в Государственный архив Камчатской области от пограничника Д. Зуева, остается единственным на полуострове напоминанием о тихоокеанской одиссее Чарльза и Анни. Сергей Коненков, после 1945 года вернувшийся на родину, привез с собой один из скульптурных портретов летчика, изваянных в дни его славы. Бронзовый авиатор с летним шлемом в руке стоит на одной из полок в мемориальной мастерской Коненкова на Тверском бульваре.

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д. 17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:

Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:

+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:

+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 07.04.2020 г.

Выход в свет 07.04.2020 г.

Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.

Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:

Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать

не заказанные ею рукописи и иллюстрации.

Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:

ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибуторы

Приложения:

ООО «Издательский дом

«Гранд Экспресс»

Директор: Станислав ГЛУХОВ

680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано в

АО «Прайм Принт Москва»

Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5Б

Тираж: 8900 экз.

Заказ № 987